

Дорогой Арсений Васильевич!

Спасибо за газеты. Хотя чтение «Патриота», скажу прямо, удовольствия мне не доставило. Россия превратилась (вот уже более двадцати лет назад) в бандитскую страну, где не в чести ни законы, ни совесть, ни элементарное здравомыслие.

К чему в итоге придём – страшно помыслить! Алчностью пронизана вся жизнь у нас. Во всём ложь, обман – начиная с самых верхов и заканчивая... уж и неведомо где.

Но надо это как-то всё переживать. Вон Вы не опускаете руки – боретесь, воюете. Это и других духовно поддерживает.

Ваши материалы в газете прочитал все. Там хоть и обозначено двойное авторство, но по слогу и стилю ясно (во всяком случае, мне), что писали их Вы. Резко, с накалом. Даже удивляюсь: как же их Юрий Васильевич не «смягчил»?

И раз уж заговорил о Бондареве. Вы ему говорили о моём предложении встретиться, показывали приблизительные вопросы? Они его не заинтересовали? Или уж просто нет никакого желания говорить?

А хотелось бы подготовить ещё один материал для «Вертикали». Да ведь Ю.В. хотел нам дать для публикации и какие-то «Мгновения» из своего архива. Если как-то случится к разговору, то напомните ему.

Я же сердечно обнимаю Вас, дорогой Арсений Васильевич, и надеюсь на скорую встречу.

*Ваш В. Сдобняков
26 мая 2011 г.*

2011 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Несколько задержался с отправкой интервью Бондарева. Если возникнут вопросы и дополнения, Юрий Васильевич готов встретиться.

* Окончание. Начало: «Вертикаль XXI век» № 73

Сообщи дополнительно о времени приезда.
Искренне твой

*Арсений Ларионов
10 июня 2011 г.*

2011 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Доброе, ласковое письмо твоё с поздравлениями на мой день рождения 2009 года получил только сейчас. Наконец-то, 5 июня, в канун дня рождения А.С. Пушкина мы вошли в издательский дом и среди почты, которую сатанисты изымали из нашего ящика (№ 24), почему-то было и это письмо, которое я раньше не видел. А к нему ещё вчера прибавилось присланное на мой домашний ящик (№ 18).

Спасибо за сердечную теплоту и здоровое понимание ситуации, которую создали вокруг издательства и нас с Ю.В. политические, литературные и прочие злобные враги, сгораемые ненавистью.

Однако всё по порядку.

Третий раз за двадцать лет захожу с боевой дружиной в этот дом. Только на сей раз это разграбленный дом, как Ясная Поляна после отступления фашистов в 1942 г. Разграблено всё – картины, иконы, скульптура, книги.

Книжные и журнальные склады опустошены. Враги действовали целенаправленно. Мало украсть, им хотелось ещё и достать до самого нуля – убить издательство, убить меня.

Неделю был в тяжелейшем состоянии. Но теперь потихоньку отхожу. Не знаю, как сложится всё остальное.

По электронке послал тебе ответы Ю.В. и в сопроводительном письме попытался объяснить, что надо сделать.

Мне звонить и писать надо домой.

Как будет обстоять с издательством, ещё не знаю. Враги делают всё, чтобы нас обанкротить. Вероломная кража – составная часть этого разбойничьего нападения. Но и мы от своих намерений не отступаем. (...)

Когда власти «гуманизируют» преступников, те наливаются злобой и кровавой мстостью. (...) Они в жизни ничего не умеют, воруют с детских лет. Только мы об этом поздно узнаём. Уж когда набедемся, хлебнём горя с лихвой, тогда только реально оцениваем, с кем имеем дело.

Как будут развиваться события дальше, не ведаю. Вхождение в дом безрадостное, горькое и унижительное по своей сути. (...)

Беспощадная борьба идёт с русскими и со всем русским. Устоит ли наша плотина? Большой вопрос и очень болезненный.

В моём родном Койнасе 22 июля отмечают юбилей – селу нашему 540 лет по первому обнаруженному письменному упоминанию. Я не еду – не выездной из Москвы, теперь и такие столичные ссылки бывают. Хотя всю жизнь шутил: дальше моей деревни не сошлют. А ссыльной деревней оказалась Москва, где я живу уже более пятидесяти лет, из них – десять последних лет – узник столицы.

Как-то ты говорил, что можешь в нашу сельскую библиотеку послать журналы и книги. Если это так, то был бы хороший подарок к Юбилею. Когда съедутся гости, библиотека будет торжественно отмечать своё 60-летие.

Адрес: 167696, Архангельская область, Лешуконский район, село Койнас, сельская библиотека, заведующей Галине Фёдоровне Леус.

Братски обнимаю

*Арсений
12 июня 2011 г.
На Святую Троицу*

2011
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Прости великодушно, но в силу сложившихся обстоятельств ни душевно, ни физически не могу написать сколько-нибудь обстоятельного письма.

Ситуация будет ясна и из этой газетной публикации в «Патриоте» (см. стр. 7 и 15).

Оградительный забор вокруг первых лиц забит наглухо, ни звука, ни щелки... Духовный разгром мой тщательно спланирован и проведён врагами с размахом... Давно такого не бывало.

Братски обнимаю

Арсений Ларионов
12 июля 2011 г.

Уважаемый Валерий Викторович!

По поручению Арсения Васильевича отправляем Вам проект письма. Если текст Вами одобряется, то мы отправим его наземной почтой.

Ваши «Вопросы...» Арсением Васильевичем получены.

Людмила Ивановна
14 сентября 2011 г.

Дорогой Валерий!

Замотали суды.

Интервью продвигается медленно.

Коломиец ответа не прислал.

Шлю тебе материал о Ломоносове, может, сгодится.

Привет

Арсений
7 ноября 2011 г.

Дорогой Юрий Васильевич!

Отсылаю Вам и свою книгу «Душа живая», и 34-й выпуск журнала «Вертикаль. XXI век». Я испытываю неловкость, что поместил в них полный текст нашей с Вами второй беседы.

Ту стилистическую правку, что Вы сделали в тексте, который первоначально я Вам отсылал, я всю внёс и в этот вариант. Исключил и то, что вы захотели исключить. (Хотя и жалею Ваши размышления о музыке – но что поделаешь, Вы их убрали.)

Что же касается размышлений о писателях-фронтовиках, то все, кому я их показывал, так высоко их оценивали, так просили меня опубликовать их и дать возможность более широкому кругу читателей познакомиться с ними, так уверяли, что для истории нашей литературы они чрезвычайно важны, что я не смог этим доводам противиться и оставил их (Ваши размышления) в окончательном (журнальном) варианте нашей беседы.

Затем использовал этот текст и в своей книге.

Надеюсь, что за это Вы не обидитесь на меня. Мною руководило лишь одно желание – оставить для потомков Ваши ценнейшие суждения о русской советской литературе.

С огромной благодарностью за гостеприимство и доброту кланяюсь Валентине Никитичне, Вашей замечательной супруге.

Пусть только мир, добро и благополучие живут в Вашем доме.

Искренне Ваш В. Сдобняков
7 января 2012 г.

Редакция журнала «Вертикаль. XXI век»

В ПРЕДУВСТВИИ АПОКАЛИПСИСА

Валерий Сдобняков. Юрий Васильевич. Я хотел бы вам задать в этой нашей с вами беседе далеко не радостные вопросы о страшных испытаниях, выпавших на долю нашей страны в прошедшем веке, да и в нынешнем тоже. Но когда шёл к вам сюда, на Ломоносовский проспект, то всё-таки решил сделать себе небольшой праздник и прогуляться по своим любимым местам около МГУ. И вот там надумал – пусть мой первый вопрос будет о радостном, о вашем детстве, когда вы были совсем маленьким и даже не подозревали, какие испытания готовит вам жизнь. Вспомните о том далёком, но, может быть, самом счастливом дне.

Юрий Бондарев. До сих пор ясно помню знойный полдень, июль, горячий песок обжигает пятки, Урал блещет, сверкает, как расплавленное серебро, он весь в фонтанах искр, в радужных брызгах купающихся, повсюду ликующий детский смех, радостные крики – воскресный день на сказочной реке, куда мама привезла меня порезвиться в прибрежном песке и, конечно, в воде. Помню несказанное наслаждение барахтаться и кувыркаться на мелководье, куда допускала меня мама, наблюдая за мной с берега. Я упирался ручонками в дно, бултыхал ногами, изображая плавание взрослых и, ожидая одобрения, смеясь, смотрел на маму, следившую за мной счастливыми, порой тревожными глазами. Это был детский рай, где я подолгу играл с пескочниками, пытаюсь поймать их ладошками, а они тёмными стрелками мелькали подо мной, их быстрые тени отражались на песчаном дне незабвенного Урала...

Да было ли всё это? В каком столетии? Сколько было мне тогда лет? Года три?

В.С. А первый день на фронте, как и чем вам запомнился?

Ю.Б. Мой первый день на фронте – это железный скрип снега под ногами, встречный ледяной ветер,жигающий до колючей боли лицо, почти срывающий с головы ушанку, одеревеневшие пальцы в рукавицах, ошпаривающее свирепым холодом железо нашего орудия. И первая ночь – подобие сна на снегу, на ветру, под горящими в косматых кругах сталинградскими звёздами в чёрном небе. Тогда мы были молоды, полны надежды и веры, и нами владело неисчезающее чувство: скорее, скорее на передовую! И было потом первое утро войны, когда в кромешном аду перемешались небо и земля, орудия и танки, неузнаваемые лица солдат и пикирующие «Юнкерсы».

В.С. В таком случае, каким же был последний день?

Ю.Б. О последнем дне войны я не раз писал в своих романах. В тот незабвенный май торжествовала в душе радость победы, гордость за свою страну, которая родила тебя и сохранила, радость жизни, молодости, нерушимое фронтовое товарищество, казалось, данное навечно, ожидание долгожданной встречи с отчим домом, счастье от скорой встречи с родными людьми.

В.С. Да, тема войны буквально преследовала ваше творчество до самого последнего романа. Только в «Без милосердия» вы к ней не обратились. Слишком далеко от неё ушли события наших дней. Хотя, и в «Мгновениях», и в публицистических статьях вы вновь и вновь возвращаетесь к тем тяжёлым и судьбоносным годам для нашего народа. Значит, что-то в той войне, хоть и минуло с её начала семьдесят лет, не даёт вам покоя?

Ю.Б. В интервью, которое я в своё время в ФРГ хотел взять у фельдмаршала Манштейна, был главный вопрос: «Что он подумал, когда понял, что его танковая группа уже не прорвётся на выручку окружённой шестой армии Паулюса. А прорыв этой армии из плотного кольца советских войск был для немцев важнейшей целью в Сталинградской опера-

ции. Я сейчас выскажу одну давнюю мысль, которую не использовал в романе «Горячий снег», потому что, с одной стороны, она мне показалась слишком публицистичной, с другой, видимо, не хотел, чтобы она кого-то шокировала. Но эта мысль главная, как мне кажется, для понимания стратегической сути Сталинградской битвы. Так вот, если бы контрудар Манштейна был бы осуществлён успешно, то немцы надёжно закрепились бы на Кавказе, а это обстоятельство отодвинуло бы сроки окончания войны не на месяцы, а на годы.

В.С. Я такой оценки ранее нигде не встречал, даже в мемуарах наших полководцев.

Ю.Б. Это моя мысль. Я много думал об этом контрударе, как участник тех самых судьбоносных боёв. Сам выбивал танки Манштейна. Это была величайшая битва из всех битв в истории человечества. Западные исследователи войн часто вспоминают крепость Ля Рошель во Франции, которая держалась несколько месяцев, и это будто бы самая героическая крепость в истории войн. Чепуха! Сталинград держался двести дней, да ещё против какой силищи, какого врага. Так вот, операция окружения, которая была очень умно, досконально продумана немцами, осложнялась для нас ещё и тем, что Сталинград был весь в развалинах, нам просто не за что было укрываться. Но зато после того, когда был отражён контрудар армии Манштейна, и когда немцы начали отступать, именно тогда мы все почувствовали, необъяснимо как, каким-то нутром солдатским, что это начало разрешения войны, начало нашей победы. Мы окончательно поверили в свою силу. К тому времени у нас уже было прекрасное вооружение – семидесятимиллиметровые орудия, которые могли выбивать немецкие танки на расстоянии 1200, 800 метров. Но мы подпускали их ближе – на 500, 300 метров. Потому что если издали промахнёшься, то ответным огнём, а у немцев были великолепные прицелы, расчёт могли уничтожить. Этот опыт приходил не сразу, со временем, но приходил. Точно так же, как, только когда мы уже подходили к Днепру, то догадались снимать со своих пушек щиты. Вроде бы они должны были защищать нас от пуль противника. А какие там пули, когда мы стреляли по танкам прямой наводкой. Эти щиты в бою только мешали и, главное, демаскировали нас. В итоге мы все их сняли. Я был первым, кто предложил это сделать.

В.С. Ваша батарея, это факт известный из вашей биографии, подбивала немецкие «Тигры». Страшная машина?

Ю.Б. Подбивали мы не только «Тигры», но Сталинградскую оборону прорывали именно эти танки. Что такое прямой выстрел? Это когда снаряд летит без траектории, напрямую. Но только так по этим машинам и можно было бить. «Тигр» – сильный танк времён Второй Мировой войны. Но и наш Т-34 никому не уступал, несмотря на то, что у «Тигра» броня была толще, и чтобы его вывести из строя, нужно было бронебойным снарядом попасть в зазор между подвижной башней и корпусом. В эту крошечную щель. Только тогда башню заклинивало, и танк становился уязвим. Тут всё зависело от наводчиков, которые были нашими спасителями, нашими победителями. Командир батареи определяет прицел, а наводчик ставит его и выбирает точное место на цели, куда надо «влепить» снаряд.

Вообще к тому времени у нас были хорошие бронебойные снаряды, бронебойно-зажигательные, осколочные, термитные. Именно в Сталинграде мы особенно почувствовали, что наша промышленность восстановилась и полностью готова снабжать армию необходимым оружием. Она работала просто гениально. Оружия было даже в избытке. Нас при стрельбе уже не ограничивали сорока снарядами (и не больше!). Мы могли их выпустить и шестьдесят, и сто – стреляли, пока снаряды подвоят. Собственно, поэтому мы и выиграли Сталинградскую битву, в кото-

рой окончательно решалось – или нам погибнуть, или победить. Поэтому Сталинград и остался во мне навечно.

В.С. Вы видели танковые бои?

Ю.Б. Ну а как же. И главное ощущение от этого было всегда одно – грандиозное зрелище. Во время таких боёв мы только «вылавливали» выдвинувшиеся немецкие танки и били по ним – в бок, по моторам, по гусеницам, под башню. А вообще это как бы другая война. Танки двигаются в таком бою как муравьи растревоженного муравейника – каждый ловит танк противника на прицел, бьёт в него из пушки в упор, делает всякие манёвры. Тут наши Т-34 были лучше. Очень маневренный, «реактивный» танк.

В.С. Все батальные сцены в ваших романах и в фильме «Освобождение» взяты из пережитого и перечувствованного?

Ю.Б. И режиссёр картины Озеров и я всё это видели, поэтому ничего придумывать нам не приходилось.

Сейчас у нас хотят украсть Победу. И при этом забывают, что союзнички к нам присоединились только в сорок четвёртом году. Однако все лавры они хотят навесить на себя. Молодёжь на Западе думает, что это Америка победила Германию. Единственное, когда был жив Черчилль, он о наших победах всегда отзывался положительно, а это был авторитетный политик в мире. Сейчас же мелочь всякая кричит, раздирая голосовые связки, что победили во Второй Мировой войне они. Нет, победили мы своим мужеством, своей кровью.

В.С. Юрий Васильевич, война такое страшное чистилище, но и она же породила целую плеяду хороших, талантливых писателей, таких как Виктор Некрасов...

Ю.Б. Он первым написал о Сталинграде. Я его очень ценил, мы с Виктором были близкими друзьями. Когда он приезжал в Москву, то обязательно звонил. Он не любил встречаться дома, и мы с ним заваливались в ресторан, там сидели допоздна. Это был настоящий мужик без всякой писательской фанаберии. А в нашей братии достаточно мусора – вы сами знаете. Виктор был лишён беспощадной писательской ревности, которая зачастую переходит в зависть, ну а там и до ненависти недалеко. Я это ощутил на себе.

В.С. Кроме Некрасова были и другие хорошие, талантливые писатели.

Ю.Б. Константин Воробьёв. Я был с ним в прекрасных отношениях. Он был серьёзно ранен, контужен. Во время войны – разведчик, и вообще много всего выпало на его долю. Незаконченный роман Воробьёва «И всему роду твоему», написанный всего на одну треть, а, может быть, и меньше, обещал многое. Это книга о судьбе фронтовика.

Были Евгений Носов, Виктор Курочкин (о котором Леонид Леонов говорил: «Копнул на один штык. Надо бы ещё поглубже копнуть»). Большое дело сделал Константин Симонов, о войне он сказал глубоко и честно. Может быть, не всегда, как этого хотелось нам, но всё равно это очень талантливый человек. Первая часть «Живых и мёртвых» не вызывает никаких возражений. Вторая часть – там уже пошло...

Вообще мы должны быть ему благодарны: военную тему он не оставил почти до самой смерти. Он много сделал для справедливого воздаяния должного нашей армии. Я с ним не сошёлся близко. Мы пытались сблизиться, всё-таки оказались соседи по даче. Как-то он приглашал меня на обед, всё было хорошо, по-доброму. Но не произошло того дружеского сближения, которое у меня было с Виктором Некрасовым, Константином Воробьёвым. Так бывает, не всегда люди сходятся. Нагибин меня просто возненавидел, когда на его приглашение прийти в гости я ответил отказом. Нет, к Нагибину у меня было определённое отношение...

В.С. Это ещё тогда, в советские времена?

Ю.Б. До перестройки... И он просто готов был меня к стенке поставить за то, что я не принял его приглашения. Мне передавали то, что он обо мне говорил. Он не здоровался со мной, когда мы встречались на аллее в нашем дачном посёлке. Так себя вести просто невозможно. Поэтому негрубо, тактично (я не сказал ему, что он далёкий, чуждый для меня человек) я отказался.

А вообще не будем мы ни о ком плохо говорить – кто с кем, как да почему. Пусть им, ушедшим, земля будет пухом.

Но Симонов ничем не запятнал себя в жизни, никого не предал. Он вёл себя всегда достойно.

В.С. Когда вы встречались с Некрасовым, то вспоминали с ним Сталинград?

Ю.Б. Знаете, о войне почти не говорили. Много говорили о литературе. Войну мы не вспоминали потому, что он знал её хорошо, я тоже. Что же нам обсуждать, о чём друг другу рассказывать? Как и почему остались живы? Кто это сможет объяснить? Это было покровительство Бога, решение какой-то высшей силы, которая помиловала нас, помогла нам выжить. В «Мгновениях» я написал, что жизнь мне была спасена ранением.

В.С. Потому что погиб ваш расчёт?

Ю.Б. Нет, расчёт не погиб. Вообще много погибло солдат в течение боёв, но наш расчёт остался цел. В Сталинграде исчез один человек. Куда он делся – не знаю. Этот солдат был правильным. У станины есть специальные рукоятки и при команде, например, «танки справа» правильные, взявшись за эти рукоятки, должны были повернуть орудие в окопе в необходимую сторону. Ведь в войну ещё не было таких автоматических орудий, как сейчас.

В.С. Есть такая фигура в нашей литературе – Виктор Астафьев. Становление его творчества, его известность – всё это происходило на ваших глазах. Вы можете что-то рассказать об этом писателе?

Ю.Б. Я уже писал о нём что-то в одной или двух статьях, повторяться не буду. Мне не хочется о нём и говорить-то. Я его, если быть совершенно откровенным, и подымал. Я его вроде и приласкал, и говорил о нём, когда прочитал первые его вещи. Я думал, поддерживая Астафьева, что вот парень из провинции, интересный, надо ему помочь. Но потом мы как-то отошли друг от друга.

В.С. Это ещё в семидесятые годы?

Ю.Б. Раньше, в середине или в конце шестидесятых. У меня такое ощущение, что... я даже боюсь говорить, почему он так изменился. Боюсь, опасаюсь... ну не знаю даже, перед чем. Боюсь быть в этом неправым – в том, что я думаю и к чему я пришёл, размышляя об этом. Я написал об Астафьеве резковато, но без всякого «мата», как у нас сейчас в критике заведено. И там тоже выразил это удивление, о котором вы говорите. (Относительно оценок Астафьевым советского периода в нашей истории – В.С.)

В.С. Читая ваши статьи, я всегда отмечал для себя, как тактично вы пишете о своих коллегах. Но ведь представляю, сколько неблагодарности вам пришлось пережить.

Ю.Б. У Астафьева хватило то ли совести, то ли выдержки, то ли ещё какого-то человеческого качества, но он никогда в открытую со мной не спорил. И не спорил, когда мы с ним редко, но разговаривали по телефону.

В.С. Всё-таки объективно считал, что «правда за вами»?

Ю.Б. Мне трудно это объяснить. Можно лишь одним, о чём я опасюсь говорить. Но очень жаль, что Астафьев так закончил, потому что его продолжает поддерживать, даже после смерти, определённая часть критики, определённые писатели. Но это не удержится долго.

В.С. Да они уже очень мало о нём говорят.

Ю.Б. Вы прочитали его «Прокляты и убиты»?

В.С. Да. Поэтому я вас и спросил об Астафьеве.

Ю.Б. Ну и что? Как вы относитесь к этому произведению?

В.С. Довольно плохо. Потому что когда люди попадают в такие тяжёлые условия, которые описывает Астафьев в «Чёртовой яме», или когда они участвуют в кровопролитных боях, какие он описал в «Плацдарме», то, конечно, и подлость, и благородство выходят более ярко на первый план в человеческих отношениях. Но с такой лютой ненавистью описывать одних, изображать их даже не зверями – людоедами, у которых каждая клеточка плоти пронизана подлостью и мерзостью и, наоборот, с жалостью, как рабов без воли, других – то в таком произведении, я могу это сказать сразу, нет правды. Мир сложен, в нём много всего переплетено. То же самое и в человеке. Злоба и любовь, благородство и предательство в нём живут где-то очень рядом друг с другом. И потому описание в одной плоскости человеческих поступков меня всегда при чтении такой прозы останавливало, настораживало. Я переставал ей верить. Я понимал, что здесь скрыта неправда.

Ю.Б. Да, так это и есть в обществе. В моём романе «Бермудский треугольник», в котором описана сегодняшняя наша общественная среда, есть размышления об этом. Конечно, очень жаль, что с Виктором так произошло.

В.С. Ведь, кроме уже названных нами писателей, были и другие, тоже рождённые войной и писавшие о войне. Например, Богомолов.

Ю.Б. Очень хороший писатель. Кого ещё вспомним?

В.С. Кондратьев.

Ю.Б. Нет, это совсем другое. Вы посмотрите его стиль. Кто бы не был для меня писатель, но плохой стиль его письма меня сразу от него отталкивает.

В.С. А его повесть «Сашка»?

Ю.Б. Ну так... ничего...

В.С. Как возникли «Мгновения»? Я увидел у вас тетрадь, в которой записаны отдельные мысли, замечания, не вошедшие в окончательные варианты романов. Так «Мгновения» – это не такие же отрывки?

Ю.Б. Нет, это совершенно самостоятельные произведения. И я очень рад, что та сила, которая мне покровительствовала на фронте и благодаря которой я остался жив, послала голубой лучик в моём направлении, и у меня появилась мысль о «Мгновениях», о написании коротких вещей лирико-философского склада. Мне хотелось, чтобы эти короткие рассказы несли в себе большую смысловую нагрузку, которую можно было бы высказать и в романе, но лучше уместить её в небольших произведениях. Я рад, что такая мысль, как абсолютно самостоятельное творческое явление, у меня появилась.

В.С. Возвращусь к тому несостоявшемуся интервью с Манштейном. В когда-то поверженную Германию вы приехали десятилетия спустя

уже известным русским писателем, которым стали после войны и, как не кощунственно это звучит, благодаря ей?

Ю.Б. Писателем я почувствовал себя не сразу, даже когда после публикации повести «Батальоны просят огня» прочитал в первой статье о «Батальонах» хвалебную фразу: «Утром Бондарев проснулся знаменитым».

В.С. Вы можете сказать, кто из классиков русской литературы оказал на вас, ваше творчество наибольшее влияние?

Ю.Б. Люблю Чехова с детства. Но этот великий классик, конечно, не единственная моя любовь. Без Пушкина, Льва Толстого, Бунина, Лермонтова, Тургенева, Шолохова нет русской литературы.

В.С. Я заранее хочу попросить у вас извинения, Юрий Васильевич, за вопрос, который, конечно же, очень личный. Если вы не захотите, то можете на него не отвечать, но я вам его всё-таки задам. После того, как вам пришлось столько пережить, увидеть столько смертей, горя, человеческих страданий, а потом всё это ещё раз пропустить через своё сердце, воплощая в художественные произведения, – после всего этого вы стали человеком религиозным, верующим?

Ю.Б. Художественное творчество и религиозное чувство настолько близки и настолько тайна, что коротким ответом в журнале или газете берёшь неискупимый грех на душу.

В.С. В сегодняшнем мире происходят не только политические и социальные, но и невиданные ранее природные катаклизмы. Основы вроде бы стабильных и не самых бедных государств потрясают социальные взрывы. Ощущение беспокойствия, мятежности охватывает всех людей планеты – бьют по городам, всё разрушая и сметая на своём пути, огромные волны цунами. Невиданная жара обрушивается на все континенты Земли, вспыхивают гигантские пожары, которые превращают в пепел города и сёла. И вот новое, трудно объяснимое бедствие – одновременно в нескольких странах Северной Африки вспыхивают бунты, народные волнения, больше напоминающие психоз. И во всех этих катаклизмах гибнет множество людей. Десятки и сотни тысяч. Появляются калеки, обездоленные и злые. Что же происходит с нами и с планетой? Как Вы, писатель, чей талант художника и мыслителя глубоко признан во всём мире, оцениваете происходящее? Насколько во всём этом виновато само человечество и есть ли выход из создавшейся ситуации? Не отголоски ли это тех военных катаклизмов, что пережило человечество в XX веке?

Ю.Б. История – не сумасшедший бег, подгоняемый реформами в некую страну обетованную, где царит блаженство неопишущее и текут реки сладчайшие. Более того, когда желанная свобода, демократия, равенство и политика ускоренно превращаются в обещательно-расхожие лозунги нервных прогрессистов, всё становится лицемерием и появляется мысль: не приютившееся ли это под древними лозунгами и фразами лжебратство навязанной политигры?

Быстрота... Быстрота в изобретении атомного, биологического, геотектонического и прочего смертельного оружия не принесли человечеству ни мира, ни облегчения. Эта быстрота военной реализации напомнила, что каждому на земле приготовлен билет не в бессмертие, а в одноместное купе – и каждому готов плацкарт только туда – в скорбное направление, где уже нет ни любви, ни ненависти, ни красоты, ни безобразия, а останется только физическая пустота, уже никем на обугленной земле непознаваемая.

Вспоминаю лихорадочную поспешность реформы армии, в том числе нашего главного сдерживающего вооружения – тяжёлых ракетных войск, затем сокращение офицерского корпуса, уже значительно сокращённого, затем прекращение набора курсантов в военные училища на

ближайшие два года. На встречах в академиях и воинских учреждениях мне не раз говорили об этой странной, недалёковидной политике, и тревожно возникли мысли о сверх меры опасном разоружении, если к этому присовокупить желание России вступить в НАТО, когда по статусу этой организации следует раскрыть секреты своего силового потенциала. Надо думать, что если будет допущено ряд уступок, как это было в прошлых переговорах, и если ракетный арсенал России будет сокращён до удовлетворяющей «друзей» численности, то победителей в будущей войне не будет – одержит победу планетарный ужас человеческих жертв. Вот это и есть дьявольское торжество апокалипсиса. Военным политикам России, познавшей сполна кровавые купели, надобно сомневаться на переговорах тысячу и один раз и через роковые «да» – «нет» и «нет» – «да» бесповоротно приходиться к мужественно взвешенному решению во имя жизни на земле.

В.С. Время конца XIX и начало XX веков сейчас выглядит для нас как предостережение этому же периоду в жизни человечества в XX и XXI веках. Слишком много в этих периодах схожего. Только в наше время сюда добавляются страшное оружие массового уничтожения, современные химические и ядерные технологии, которые усложняют не только взаимоотношения человека с природой, но и человека с человеком, государства с государством. Ведь никто не может чувствовать себя в безопасности на нашей планете. Ведь даже если в твоей стране нет убивающего всё живое химического производства или разрушенной атомной станции, то происходящие, пусть даже за тысячи километров, губительные процессы всё равно тебя настигнут, отразятся на твоей жизни, на твоём здоровье и здоровье твоих потомков. Нет ли во всём этом некоторого предчувствия апокалипсиса? Как оцениваете это Вы – воин, художник, мыслитель?

Ю.Б. Да, нас оглушали либеральными криками о «новой» и «возрождённой» России. В последние двадцать лет исчезло удивление и непонимание «при виде того, что совершается дома». Вместо накрепко и поспешно запертых школ, библиотек, разрушенных детских садов, яслей, не говоря уже о стыдopodobном количестве бездействующих заводов, более 800 закрытых научно-исследовательских институтов и уехавших за границу 100 тысяч учёных, в «новой ЭРФЭ» никак незаметно ничего значительного, «новорождённого», кроме внешних, особенно поразительных перемен в Москве. Издавна уютная Москва, столица крупнейшего государства со своей историей и архитектурой выглядит ныне чудовищно загромождённым автопарком, забитым миллионами иностранных машин, городом, заклеенным, завешанным из конца в конец пошловатыми рекламами, объявлениями, вывесками наполовину чужестранного происхождения. В прессе засилье тошнотворного слова секс, которое бесстыдно употребляется и варьируется в журналах и газетах, а с улиц и площадей ушло что-то милое, родное, любимое, незабытое моим поколением, как не забыто и прежнее весело-спокойное выражение лиц и глаз соотечественников, ставших устало равнодушными, отчуждёнными.

В.С. Историю вспять не повернуть. Технический прогресс овладел нами настолько, что кажется – человеку невозможно вырваться из его железно-пластиковых объятий. И всё-таки, слава Богу, земля не оскудела мыслящими людьми. Только смогут ли они предложить человечеству спасительный выход из сложившейся ситуации?

Ю.Б. В политике (как и в литературе) даже выдающийся замысел ещё не реализованный сюжет. Наиболее древние формы русского сознания – это духовность, справедливость, любовь, верность, религия, защита родной земли, своей колыбели. Это незаменимые путеводные ориентиры в любом замысле серьёзного политика. Поэтому в дни неудач и несчастий только душевное равновесие сохраняет волю и мужество. Нам в последние

годы уже не однажды изменяло это ценнейшее качество – мужественное равновесие, совершенно необходимое для обдуманых стойких решений.

В Библии сказано: три существа не оставляют следа – птица в воздухе, рыба в воде и женщина... Но в подлунном мире нет ничего непогрешимо абсолютного, кроме того, вписавший в святую книгу личную строку, надо думать, знал о женщинах нечто своё. Тем не менее, уже не сомневаясь, следует сказать, что в умах государственных мужей всевластно царит политика, прикладывая на земле несчастливый след.

Имея в виду современное состояние мира, на первый взгляд, есть как бы спокойные страны, наподобие Канады, но рядом с ней шевелятся государства с выпукло угрожающими ликами и манерами, в которых таится не библейское «око за око», а изготовленная агрессивность, неутолённая жажда военной мощностью и заговорами подчинить единой воле человечество.

Повсюду, куда шагнула нога контуженного своей особой избранностью американца, упорно и кроваво внедряется американопослушание, американомыслие, и интригами, заговорами, наконец, силой насаждается «диктатура демократии на вынос» в американской железно-пластиковой униформе, способной удушить в объятиях «свободы».

Современный мир находится сейчас в пограничном положении «или-или», и состояние тревоги и беспокойного ожидания владеет людьми. Атомное и новое усовершенствованное вооружение, геотектоническое, биологическое, климатическое вооружение, созданное в тайных лабораториях и, скорее всего, уже испытанное в разных местах планеты – катастрофа в Японии, в просторах океана, в Мексиканском заливе, сокрушительные цунами на берегах Америки (Новый Орлеан), гибель отдельных островов, глобальные пожары, в том числе в России.

Вместе с этим непрекращающиеся разговоры в учёном мире о возможном в течении десятилетия взрыве Солнца со всей солнечной системой в связи с быстрым повышением температуры и разогрева ядра (от 27 до 50 млн градусов), загадочная гибель сотен тысяч птиц и пчёл в разных странах, возможная остановка Гольфстрима и замерзание Европы, тайна физической пустоты, угроза мирового голода... – и это далеко не всё, что нависло страшной опасностью над человечеством. Люди, будьте бдительны!

В.С. В чём вы видите наше спасение? Осталась ли ещё возможность остановить надвигающуюся на человечество трагедию?

Ю.Б. Где же спасительный выход из сложившейся ситуации? Остановить надвигающуюся на мир трагедию способна лишь великая наука и все мы, земляне, вставшие на защиту человеческого существования. Как это сделать действительно сейчас и завтра? Думаю, никто из живущих ныне гениев науки точно ответить пока не сможет.

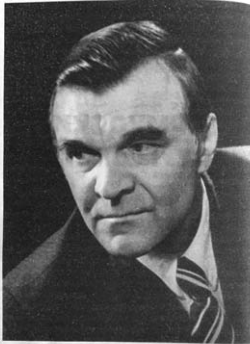
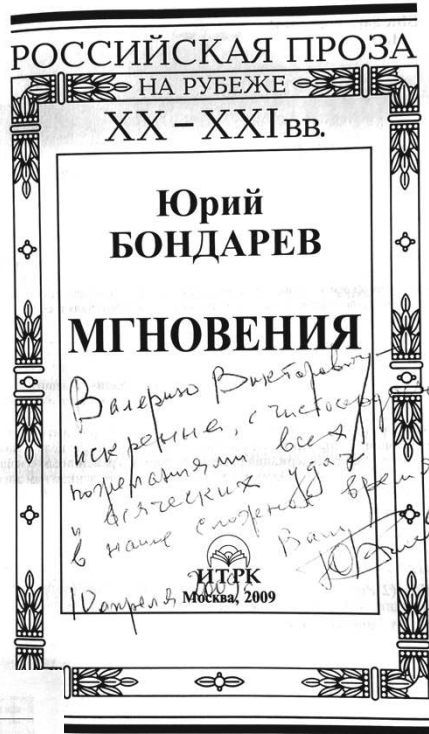
В.С. Значит, вы не верите в то, что идеи гуманизма, слово художника могут спасти современный мир? Вы не верите, что современная художественная культура способна нас вывести из тупика?

Ю.Б. Художественная культура переживает сейчас тяжёлую пору, ибо вседозволенность беспредельно царствует в так называемом художественном творчестве. Сама правда изображается вкось, ложь без малейшего стеснения играет на подмостках жизни роль правды, грязная аморальность с наглой смелостью надевает на себя чистые одежды морали; пошлый натурализм, скабрёзность, бессовестная порнография властвуют на телевидении, в кинематографе, на книжном рынке, выдавая себя за современную культуру.

Но всему бывает конец и, как говорили древние, одна волна уничтожает другую, а ветер меняет направление... Но когда?

**Некоторые из автографов на книгах,
подаренных Ю.В. Бондаревым Валерии Сдобнякову**

Дорогой
Валерий Сдобнякову -
и надеждой и любовью
и творческими достижениями
всех и всяческих удач
Вашему таланту
Здоровья и везения!
Ваш *Ю.В. Бондарев*
21 июня 2011 г.

Юрий Бондарев

**БЕРМУДСКИЙ
ТРЕУГОЛЬНИК**

Роман

Валерий Сдобнякову -
от автора с любовью
Вас.
Ю.В. Бондарев
21 июня ИТРК
Москва 2010

**Юрий
БОНДАРЕВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

Том первый

**БАТАЛЬОНЫ
ПРОСЯТ
ОГНЯ**

**ПОСЛЕДНИЕ
ЗАЛПЫ**

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Дорогой Валерий
Сдобнякову - с
горячей любовью
Творческих успехов
Ваш *Ю.В. Бондарев*

Москва
«ГОЛОС» 15 апр. 2009 г.
«Русский Архив»
1993

2012
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Всё получил. Большое спасибо.

Бондареву в ближайшие дни передам.

Порадовался за книгу «Душа живая». Ты своему правилу не изменяешь. Когда есть возможность, правило только дисциплинирует и создаёт потребный внутренний рабочий ритм.

Книга интересная, я её внимательно просмотрел. Многие очерки читал раньше, они – на памяти. Но написать о ней – духу мало, истощал. Мне бы должок справить – беседу с тобой.

Пока всё мерзко и обременительно. Телега крепко застряла в трясине, а уже пошёл третий год круговой агрессивной оккупации. Пока жив, а что там будет дальше – посмотрим.

С сердечный привет!

Арсений

18 января 2012 г.

На Крещенский вечерок

Москва

Дорогой Арсений Васильевич!

Вот уже сколько времени нет от Вас никаких известий. На последние мои письма Вы не ответили, телефон молчит, и я теряюсь в догадках – как Вы и что с Вами?

В Москве сейчас бываю крайне редко. Но в конце мая наезжал. Звонил Вам – тщетно. Проходил мимо здания «Советского писателя» (сколько мы с Вами часов провели за беседами, за Вашим хлебосольным столом, каким добрым и благодарным чувством осталось это в моём сердце) – и будто мимо родного разорённого гнезда прошёл. Так тоскливо было глядеть на испоганенное врагами место.

Ещё в начале этого года посылаю Вам книгу. В ответном письме Вы обнадёжили насчёт ответов на мои вопросы. Да, видно, никак. Жаль.

А мне, дорогой Арсений Васильевич, не хватает общения с Вами. Поэтому что Вы человек из другого мира – настоящего.

Дай Вам Бог сил и здоровья.

Надеюсь, что Бондарев не обиделся на полный текст беседы, который я дал в «Душе живой». Если есть какая-то реакция с его стороны – сообщите. Он хотел мне подарить новое (более полное) издание «Мгновений». Вот бы получить эту книгу! Если повидаетесь с Ю.В. и если это будет удобно, то попросите для меня.

«Вертикаль» моя со скрипом, писком, но продолжает выходить. В ближайшее время из типографии буду забирать очередной номер. В нём письмо (коротенькое) с Вашей родины от библиотечаря. Как получу – сразу отправляю Вам.

Ну что ещё Вам сообщить?

Избрали меня председателем местного Союза писателей. Денег у него нет. Работаю без зарплаты. Пошёл на это только потому, чтобы не отдать его врагам – которые и без того злобствуют и клеветуют в мой адрес.

Ругаюсь с местными властями, но разве плетью обух перешибёшь. Надо бы как-то иначе с ними себя вести, да я не умею. Горяч, вспылыв, а тут ещё недоброжелатели подстрекают. Да ладно, время покажет – стоило ли мне во всё это впрягаться.

Проводил в Болдино праздник. Вот бы Вам приехать! Давайте я всё устрою (если будем живы и здоровы) на следующий год. Посидели бы, поговорили в тишине. Как раньше (теперь кажется, что в добрые времена) выпили бы по рюмочке.

Обнимаю Вас, Арсений Васильевич, от всего сердца. Дайте о себе знать.

*Ваш В. Сдобняков
11 июня 2012 г.
Нижний Новгород*

2012 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Твоё доброе, можно сказать, ласковое, письмо получил. Конечно, очень рад твоему широкому взгляду на всё происходящее у нас – в издательстве, и в России. Пока не добились «Советский писатель» – он для меня живой организм, живая ткань, которая требует повседневного внимания. Но недолог век – слишком крепкие, агрессивные силы собраны. Но утешимся и тем, что успели за двадцать тяжелейших лет.

Думаю, что ты сделал правильный выбор и дал согласие на руководство писательской организацией. Покувыркаешься. Но в твои годы это только утешение. А потом на эту пору нужны люди ответственные, совестливые. Выбор их совсем невелик. Действуй, в нём всё спасение. Если пригожусь чем-то, готов помочь.

Письмо твоё пришло кстати, к дню моей глубокой старости – моему 75-летию.

Вопрос о нашей беседе не закрывай. Надеюсь, получишь оригинальный текст. Просто депрессия после кражи долго не выпускала из своих цепких лап. Я был ошеломлён не только – кражей, случившимся грубым надругательством, но и тем, что за целый год я ничего не добился в наказание негодяев. Глубоко вросли корни зла.

С самыми сердечными приветами

*Арсений Ларионов
30 июля 2012 г.
Макушка лета*

2012 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Валерий!

Получил ли моё письмо. Обеспокоен твоим молчанием.

Мы начинаем подготовку к 90-летию Ю.В. Бондарева. Как ты относишься к предложению включить тебя в Юбилейный комитет. Дай ответ на электронный (адрес – В.С.), не откладывая. Состав Комитета далеко не писательский. Но твоё присутствие обязательно. Сама дата – 15 марта 2014 года. Может, подумаешь о выпуске юбилейного номера, собрав уважаемых людей нашего времени. Всё-таки он действующий патриот с ноября 1942 года. Всякое было – остроконечное, но много было и хорошего. Его жизнь с 1924 года включает целый век – бесконечно тяжёлый.

С уважением

*Арсений Ларионов
14 октября 2012 г.*

Дорогой Арсений Васильевич!

Письмо Ваше получил. Очень ему обрадовался. Стал Вам названивать, да всё безрезультатно.

В Юбилейный комитет войду с великой охотой и почту это за честь.

Готов выпустить и юбилейный номер. Но для этого нужны какие-то произведения Ю.В. в электронном виде, слова приветствия – это хоро-

шо бы всё Вам организовать, новую нашу с Ю.В. беседу записать, сделать фоторепортаж о нём (например, из Ватутинок)...

Давайте постараемся. Уж кто-кто, а Бондарев заслуживает самого высшего почёта и уважения.

Это письмо написал с чужого эл. адреса. Мне сюда не пишите. Завтра я Вам позвоню. Возьмите трубку.

В. Сдобняков

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

**издательство основано в 1934 г. великим русским писателем
А.М. Горьким, в 1984 г. награждено орденом Дружбы народов**

№ 18

24 июня 2013 г.

**ШАНЦЕВУ В.П.
Губернатору Нижегородской области**

Уважаемый Валерий Павлович!

Письмо моё и общественное, и личное. В июле 2010 года к Вам обращался великий русский писатель, классик мировой литературы, боец-сталинградец ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОНДАРЕВ с просьбой о награждении «Медалью Пушкина» писателя В.В. Сдобнякова. Как дошла до нас молва, к просьбе этой Вы отнеслись одобрительно.

Валерий Викторович Сдобняков заслужил это общественное признание. Он создал необычный, интересный альманах «Вертикаль. XXI век». Объединил литературные таланты не только Поволжья, но и всей России. В эти трудные, прямо скажем, тяжелейшие времена, он собрал вместе лучшие силы российских литераторов и публицистов.

Будучи сам писателем талантливым, Сдобняков привлёк в альманах людей одарённых, доказав, что духовная жизнь в гражданском обществе по-прежнему мудра и настойчива. Успешным оказалось и то, что он возглавил Нижегородскую областную писательскую организацию. Скромно мы живём, но и по этой скромности нести духовную ношу остаётся нашей неистребимой потребностью.

Надеюсь, что его усилия помогают и Вам в труднейшем губернаторском деле.

В нынешних условиях, мы с Юрием Васильевичем Бондаревым просим Вас, если Вы располагаете такой возможностью, выдвинуть Валерия Сдобнякова на звание «Заслуженный работник культуры РФ». Такое выдвижение будет ему вполне по заслугам.

С искренним уважением

Арсений ЛАРИОНОВ

*Генеральный директор издательства «Советский писатель»,
кавалер Всероссийского Ордена «Михайло Ломоносов»,
лауреат Международной премии имени М.А. Шолохова за 1994 г.*

Бондареву Юрию Васильевичу

Дорогой и глубокоуважаемый Юрий Васильевич!

Примите самые искренние, горячие, сердечные поздравления в связи с Вашим замечательным юбилеем – 90-летием со дня рождения! Ваш творческий путь, Ваши произведения, ставшие классикой современной русской литературы, оставили неизгладимый след в сердцах русских людей, составили целый пласт в культурном наследии России. Написанные Вами романы, повести, рассказы, публицистические статьи проникнуты любовью и преданностью родной земле, нашему великому народу,

который не только создал страну, которой не знала мировая история, но и отстоял её в самых кровопролитных войнах.

Но, кроме того, что Вы великий художник, Вы ещё и писатель-гражданин, который оставил в сердцах наших людей незабываемые в своей нравственной позиции поступки. Нелегко во времена смут и всеобщего предательства властей говорить им правду в глаза, но ещё труднее продолжать держаться этой правды следующие десятилетия, оставаясь непоколебимым нравственным ориентиром для миллионов людей.

Дорогой Юрий Васильевич! Мы счастливы и горды, что на протяжении последних пяти лет Вы являетесь членом редакционно-общественного совета журнала «Вертикаль. XXI век». Ваши рассказы из книги «Мгновения», которые Вы печатаете на страницах нашего журнала, неизменно вызывают самый широкий интерес у читателей, их благодарность и признательность за Ваш труд и талант. Ваши размышления художника, философа, мыслителя потрясают своей глубиной и пронизательностью, смелостью и бескомпромиссностью. Это тоже является громадной духовной поддержкой для многих и многих людей.

В день Вашего замечательного юбилея примите от нас самые искренние поздравления, любящие Вас – редакционный коллектив журнала «Вертикаль. XXI век»

*В.В. Сдобняков
Председатель правления Нижегородской
областной организации Союза писателей России,
главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»
15 марта 2014 г.*

2014 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Спасибо за добрую память. Лена передала о твоём звонке.

Живём, как можем. Надеюсь, что и твои дела вполне благополучны, забот ты на себя взвалил немало, но ведь и энергии в тебе ещё на долгую ямщицкую тройку. Надеюсь, не сэкономишь.

Пишу не без корысти. Предлагаю статью талантливого критика и известного литературоведа, написанную по итогам читательской конференции в Московском университете культуры. В статье всё об этом сказано.

Здесь кое-кого не устраивает концовка о высказывании Мережковского. Вопрос принципиальный, поскольку речь идёт о природе русской жизни и литературы почти за сто лет! Немалый период для споров, хотя всё основательно.

Если подойдёт, дай знать, набранный текст передам по электронке.

Сам понимаешь, что за этим стоит сохранение русской литературы и духовная преемственность от *золотого* века. Думать всегда легко – труднее делать.

Беседа наша, должно быть, получит свободный ход. Ждём последнего суда. Терпи, редактор.

С душевным приветом

*Арсений Ларионов
22 марта 2014 г.
На день весеннего солнцестояния*

Дорогой Арсений Васильевич!

Рад был получить от Вас весточку.

Действительно, суeta всякая, связанная с делами Союза, заедает. Особенно обидно, что стал мало писать. Но сейчас, когда основные за-

боты, вроде бы, пройдены, можно возвратиться к основным творческим заботам. Во всяком случае, с лета твёрдо намерен заняться написанием новых текстов. Есть много всяких задумок. Нужно спешить, чтобы хоть часть их успеть воплотить в жизнь.

Статью печатать буду. Там есть места, с которыми я бы поспорил. Но это неважно. Неженец высказал свою точку зрения и сделал это довольно убедительно.

Окончание статьи во мне не вызвало никакого противодействия. Так что высылайте текст в электронном виде.

Как справили юбилей Бондарева? Я отправлял ему письмо от нашего Нижегородского союза. Следующий номер откроем этим поздравлением. Теперь уж только вдогонку.

Общаетесь ли вы? Всё-таки возраст у Ю.В. солидный. Но, судя по телевизионным новостям, держится он довольно крепко.

В журнале публикуем поэму Олега Николаевича Шестинского – это из архива. При жизни так он её и не довёл до кондиции. А, может, и по каким-то другим причинам не стал публиковать. Так мы дали её к его 85-летию.

Хорошо, обнимаю Вас, дорогой Арсений Васильевич. Даст Бог – увидимся.

*Ваш В. Сдобняков
17 апреля 2014 г.
Нижний Новгород*

2014 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий Викторович!

Спасибо за добрую память, дружеское внимание и заботу.

Шлю текст, как обещал. «Поимённая» выставка на 11-й странице, сделанная автором, выделена синим цветом. Мне кажется, даже такая краткая, она нужна. Тем более обращение к советской культуре становится всё более настойчивым и определённым, а будет, несомненно, ещё более широким и представительным. Дело времени! Дай знать, как будут развиваться события.

Журнал интересный, с удовольствием полистал и почитал.

Будешь в Москве, звони, встретимся. Посплетничаем, пообсуждаем. Поздравляю со всеми майскими праздниками, особо – с Днём Победы! Дружески обнимаю

*Арсений Ларионов
28 апреля 2014 г.
Москва*

2014 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Спасибо за добрые хлопоты! Надеюсь на успешный исход. Дай знать, сколько будут стоить десять экземпляров и когда выслать деньги.

Шлю поздравительное письмо. Сообщите, если нужен будет оригинал с подписями.

Поклон от Юрия Васильевича.

Дружески обнимаю

*Арсений Ларионов
19 мая 2014 г.
Москва*

2014
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Оригинал выслал.

Тебе сердечный привет от Бондаревых. Чтут и помнят.

Обнимаю

Арсений
2 июня 2014 г.
Москва

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
издательство основано в 1934 г. великим русским писателем
А.М. Горьким, в 1984 г. награждено орденом Дружбы народов

№ 18

24 июня 2013 г.

Нижний Новгород,
Нижегородская областная организация
Союза писателей России,
Председателю Сдобнякову В.В.

Дорогой Валерий Викторович!
Уважаемые писатели – нижегородцы!

Как радостно и приятно поздравить вас, земляков и наследников великого Алексея Максимовича Горького, с восьмидесятилетием одной из первых писательских организаций СССР, возникшей ещё до первого съезда советских писателей.

Творчество писателя – труд сугубо индивидуальный, данный нам от Бога, но и глубоко общественный. Его всепроникающий свет неотъемлем от духовной жизни нашего народа. Такой талантливой чертой отличается писательская стихия нижегородцев.

Желаем вам крепко держаться этой доброй традиции и не изменять духовным правилам гения русской советской литературы Алексея Максимовича Горького.

Будьте здоровы, счастливы и долговечны!

С уважением

Юрий БОНДАРЕВ, Арсений ЛАРИОНОВ
1 июня 2014 года
Москва

2014
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Спасибо за хлопоты! Не знаю, пришлась ли по душе наша «писулька»? Важно ведь внимание, а в остальном ты сам себе голова.

Как обещал, шлю оригинал письма. Дай знать, как получишь.

Добра, здоровья!

Обнимаю

Арсений Ларионов
2 июня 2014 г.
С праздником Святой Троицы! Вот и лето подкатило.
Москва

2014
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Спасибо за письмо. Рад, что праздник состоялся и прошёл торжественно. И наш с Бондаревым дружеский поклон пришёлся кстати.

Ю.В. после юбилейных дней крайне ограничил себя во встречах. Устал. В.Н. сурово следит за его самочувствием. По такому поводу она будет стоять на своём.

Журнал шли, будет доставлен. А со встречей подождём, спадёт летний неуют, глядишь, и встретимся...

Получу журнал, напишу.

Дружески обнимаю

Арсений
23 июня 2014 г.
Москва

2014
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Всё получил. Спасибо большое! Бондареву передам на этой неделе (после 7.07). Неженец также благодарственно кланяется. Один экземпляр он передаст в министерство культуры. Сам университет вряд ли решился бы на такую затею. Везде общими усилиями приходится одолевать.

Дружески обнимаю

Арсений Ларионов
7 июля 2014 г.
Москва

2014
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

.....
Журналы Ю.В. передали. Тепло благодарит.

2015
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

С Новым годом и Рождеством Христовым! Капитану можно пожелать только одного: крепко держать штурвал и не сбиваться с выбранного судьбой курса. Надо признаться, это у тебя получается. Только 2015-й, судя по всему, будет крепко штормить. Все ветра фашистско-ураганные согнали на Россию, как будто снова живём то ли в 1939-м, то ли вовсе провалились в петровские времена. Тот же воздух в Европе и тот же мазеповский запах. Найдётся ли Пётр Великий – громовержец и полтавский спаситель!? У нас, правда, выбора нет! Судьба одна! Справимся!

Сожалею, что, бывая в Москве, знать о себе не даёшь. Можно и встретиться, и по-дружески парой слов обменяться, если не обременительно. Мы всё-таки единомыслы.

Дружески обнимаю

Арсений Ларионов
30 декабря 2014 года
Москва

2015
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Спасибо большое за заботу о «малых народах»! Книга, по-моему, получилась удачная и хорошо издана, глазасто и привлекательно.

Просьбу о книге Бондареву передал. Но он теперь болеет, мается с врачами на московской квартире. Как полегчает – доведём дело до ума. Дружески обнимаю

Арсений Ларионов
23 марта 2015 года
Москва

2015
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Дорогой Валерий!

Христос Воскресе!

Добра, здоровья тебе! Журналу – творческих удач и несгибаемого мужества!

Бондарев благодарит за твоё постоянное внимание. Журналы и книгу стихов Николая Офитова принял с благодарностью. «Мгновения» тебе подписал с добрыми словами и датой «9 мая 2015 г.» Ему самому 15 марта пошёл 92-й год. Бог указал дожить до ста лет. Как получится?! Господу виднее. Ю.В. крихтит, но за жизнь крепко держится. И мы живём с молитвой и надеждой о возможном столетии.

Вероятно, у тебя какое-то попутье существует? Позвони Лене по домашнему телефону. Она ходуку передаст книгу.

И ещё! За мою плату три номера «Вертикали» со статьёй Н.И. Неженца, если сможешь, вышли. Не имею даже авторского экземпляра.

С наступающим праздником нашей Великой Победы! 70 лет – это возраст могучего победителя! Помянем погибших, усопших и сбережём здравствующих! У меня с ними со всеми единый и неделимый век!

По-братски обнимаю

Арсений
20 апреля 2015
Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ЛИТЕРАТУРА – ЭТО НОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ,
СОЗДАВАЕМАЯ ЧЕЛОВЕКОМ**

Солнечный апрельский день. Остатки снега по обочинам и полям «додает» ранняя в этом году весна. Но здесь на даче у писателя Юрия Васильевича Бондарева в тенишке под высокими елями да у широких стволов берёз снег лежит ещё сугробисто. Хотя и он попрिжат к земле. Не долго ему осталось сопротивляться наступающему теплу.

В просторном, светлом кабинете писателя среди книг, картин, фотографий по-домашнему уютно. Пока Юрий Васильевич на своём аккуратно прибранном письменном столе всё-таки разбирает какие-то бумаги, я оглядываюсь вокруг, привыкаю к обстановке. Оттого, что комнату заливают полуденное солнце, выглядит она весело, празднично. А может быть, это моё внутреннее состояние так меня «веселит». Ведь я сижу в кресле меж тех самых стен, в пространстве между которыми и были на-

писаны «Берег», «Выбор», «Игра», «Искушение»... – романы, которые в 70-80-е годы прошедшего века взбудоражили всю страну. Их читали, по ним ставили спектакли, снимали фильмы. Сколько же здесь, в этом кабинете было передумано. Сколько принято непростых решений и пережито творческих озарений.

Валерий Сдобняков. Позвольте ещё раз от всего сердца поздравить вас, Юрий Васильевич, с замечательным юбилеем. Уверен, к моим добрым пожеланиям присоединится огромное количество людей – читателей вашего удивительного таланта. Хотя вы, наверно, уже устали от поздравлений.

Юрий Бондарев. Знаете, хлопотное это дело – юбилей. Только с журналистами пришлось встречаться не один десяток раз. Было снято три фильма для телевидения. Здесь, в этом кабинете телевизионщики терзали меня вопросами. А ведь я хотел отметить свой день рождения только с несколькими близкими друзьями, в кругу семьи. Но не вышло. К сожалению. От многих же встреч, разговоров, жестикулирующей усталость каким-то свинцовым грузом ложится на душу... Ну да ладно. С этим кончено.

В.С. Я из того поколения, которое входило в литературу, посвящало свою жизнь литературному творчеству, находясь под огромным впечатлением от ваших военных повестей «Последние залпы», «Батальоны просят огня», романов «Тишина», «Горячий снег». А затем книгами, которые сказали новое слово в русской, советской романистике – «Берег», «Выбор». Успех этих произведений у читателей был колоссальный. Их содержание пронизывала горькая, но мудрая, жизнеутверждающая правда. Видимо потому их так любили и с таким упоением читали. Ваши романы оказались определённой творческой вершиной в русской литературе второй половины XX века. А раз так, то я и хочу попросить вас дать своё объяснение, поделиться своим пониманием того, что же это за феномен, без которого как без воздуха не может обойтись человечество вот уже многие и многие века, и название которому литературное творчество, вообще литература? Когда вас самого впервые вдруг потянуло к писательству? Что послужило толчком к созданию первого произведения? Когда вы осознали, что писательство, то есть создание новой духовной реальности, создание новых человеческих судеб, новых миров их бытия – это ваш путь, ваше предназначение в жизни?

Ю.Б. О литературе можно говорить долго – до бесконечности. Ибо она является основной частью культуры не только нашего Отечества, но и общемировой. Литературу сейчас часто соединяют с кинематографом, меньше с театром и тем самым как бы принижают её, подчёркивают её несамостоятельность в искусстве. Всё это от лукавого. Ведь сейчас даже можно услышать утверждения, что кинематограф не только конкурирует, но окончательно занимает место литературы в культурном пространстве жизнедеятельности человека. На Западе тот расцвет литературы, который произошёл сразу после Второй мировой войны и затем в 60 – 70-х годах прошлого века (кстати, в эти же годы и вплоть до 90-го очень сильно была и наша литература, став одной из самых талантливейших и высочайших литератур в мире) сейчас заметно помельчал и катится ещё ниже по наклонной. Об этом вы можете судить по тем редким переводам, которые у нас делаются. Видимо, на тот подъём в литературе, который произошёл у нас на глазах в XX веке, большое влияние оказала война. Она всколыхнула мир. А всегда после таких глобальных катаклизмов возникает движение в искусстве. Это непреложный закон. После войн, после общенародных психологических потрясений, связанных с гибельными общемировыми событиями, искусство ускоряет своё движение и завоёвывает новые высоты, что вполне объяснимо. Потому что человеческие чувства в подобных конфликтах обостряются, человек

раскрывается какими-то своими совершенно неожиданными сторонами. И когда главные категории человеческой жизни, такие как свобода, мужество, святость, если говорить о душевном состоянии, жертвенность, ненависть, любовь, нравственность и сопротивление несправедливости начинают иметь главную ценность в жизни, тогда и сам человек начинает многое совершенно по иному оценивать в себе самом. Если уж говорить совсем высоко, то, по моему убеждению, периоды мировых катаклизмов способствуют побуждению человека к поиску истины. Будят жажду познания истины. Если, конечно, под истиной понимать именно высокую человечность – сохранение свободы и безопасности, защиты от несправедливости. Поиск истины – это необходимое состояние для сохранения человека, как феномена и носителя жизни на земле. Чего, к сожалению, не всегда точно понимает политика. Хотя она в идеале тоже должна заниматься человеком, его усовершенствованием, в том числе за счёт изменения, улучшения его отношений с внешней жизнью. Это главная задача политики.

В.С. Человек ещё и духовен. И все проблемы, возникающие в его сердце идут от духовных смут, духовной неустроенности и духовных заблуждений.

Ю.Б. О чём я говорил – и есть духовные составляющие человеческой жизни. Мужество, любовь, самопожертвование – это духовные качества. Они же самое главное, что питает совесть, нравственность. Ведь нравственность без духовности невозможна. Без нравственности немислимо самопознание и усовершенствование человека, о чём всегда, кстати, говорил Лев Николаевич Толстой. А это был великий философ, несмотря на то, что часть нашей интеллигенции, в том числе и творческой, не согласны с его выводами и мировоззренческой концепцией. Они, может быть, и правы, но только в одной части – то, что касается его взглядов о непротивлении. На мой взгляд, непротивление является просто грехом. Потому что и Господь говорит об отмщении. Помните – «Мне отмщение и аз воздам». Но мы сейчас не будем углубляться в философию Толстого. Скажем лишь, что нет литературы без писательского опыта, без памяти и воображения. Вот три главных субстанции составляющих само понятие «литература». Если есть опыт, но нет воображения – то нет и литературы. Если есть воображение, но нет опыта – то тоже литературы нет. В таком случае написанные произведения становятся или риторическими, или слишком отвлечёнными, слишком практическискими, не вдохновлёнными. Если же попытаться дать определение единой формулой, то литература – это вторая действительность, но созданная человеком. Действительность эта не зеркальная, а напоминающая отражение леса в воде. Согласитесь – лес в воде, это совсем не тот лес, который растёт на берегу. Если бы литература являлась только зеркальным отражением действительности, то это был бы лишь документ. А отражение леса в воде это и документ, и в то же время элемент прошлого и элемент будущего. Почему? Да потому что это рождает фантазию. Вспомните сейчас берег и лес отражённый в воде. Это же какое-то чудо, правда?

В.С. Конечно. Появляется другая глубина и самого пейзажа, и нашего восприятия его.

Ю.Б. Литература – это, можно сказать, тоже чудо. Вот есть слово художество, которое сейчас мы довольно часто употребляем. Так вот, в древнерусском языке слово «худое» обозначало волшебство, колдовство и чудеса. Откуда это? Есть теория, мы этого наверняка не знаем, но всё-таки можем предполагать, что человек жил и многие десятки миллионов лет назад. Об этом говорят те предметы, которые найдены совершенно недавно, но, возраст которых определяется миллионами лет. На этих предметах изображены – телескоп, операция на сердце и тому подобное. Вот и у меня иногда возникает такое чувство, что, так как мы

сейчас сидим с вами, мы уже сидели многие и многие века назад. Такой же был Сдобняков, такой же Бондарев, и также они разговаривали, а между ними лежал диктофон. Понимаю, мыслю эта в некотором роде запредельная, но у меня иногда возникает ощущение, что всё уже на этой земле было. И технологии, которые нас поражают, как новые неведомые открытия, тоже были. Откуда? Существует теория, что на землю уже являлись некто, и всё необходимое для нашего существования передали первому человеку. Так вот – среди этих главных и жизненно необходимых знаний была и культура, и литература, как неотъемлемая её часть. Потому это и воспринимается как чудо.

В.С. Должен заметить, что главные проблемы в существовании человечества за эти тысячелетия не изменились и не нашли своего разрешения. Все они укладываются в соблюдение десяти заповедей, благодаря чему только и может существовать мир, существовать человечество. Ведь чувства руководят человеком. Они первенствуют, а не материальный мир со своими новейшими открытиями и изобретениями. А раз так, то должен у человека существовать механизм разбираться в них, этих чувствах, анализировать происходящее, исходя из их состояния и восприятия. Потому и не мог Господь, вдунув в человека живую душу, оставить его без должного инструмента самопознания, которым выступило творчество. Литература же одна из главенствующих частей этого инструмента.

Ю.Б. Да, наши чувства как бы культивированы. Например, если мы увидим зверя в лесу, то обязательно срабатывает инстинкт добытчика. Он тревожит, волнует нас. Но что происходит потом? Я бросил охотиться после того, как увидел плачущего лосёнка. Он стоял на подогнутых передних ногах, как на коленях перед убитой лосихой и из глаз его текли слёзы. После этого я решил для себя, что больше охотиться не буду. Так что нас заставляет идти наперекор целесообразности ради чувства справедливости, сострадания, жалости? Это нравственные чувства, которые воспитывает литература, вообще высокое искусство.

В.С. Потребность человека в настоящей литературе была всегда и останется навсегда. То, что происходит сегодня – это искусственное понижение значимости художественного слова. Да и вообще слова, как высокого понятия. Вы посмотрите, как сейчас обращаются с языком, как его коверкают, сколько в печатных текстах и во всевозможных эфирах ненормативной лексики. Это же просто оскорбительно. В то же время настоящей литературе – высоко художественной и глубоко нравственной чинятся всевозможные препоны. Её почти не издают, или издают совершенно крошечными, до неприличия малыми тиражами. После этого ещё утверждают – да кому она нужна, её никто не покупает. И ведь всё это делается сознательно, целенаправленно.

Ю.Б. Совершенно верно. В свои юбилейные дни я получил огромное количество писем от читателей – целый мешок. И эти люди читают достойную литературу, а не какой-нибудь суррогат. Но ведь в теперешних библиотеках, как они пишут, не всегда найдёшь нужную книгу. Из одного района жалуются, что во всех библиотеках смогли отыскать всего несколько моих книг. А мои произведения в Советском Союзе издали в общей сложности в двадцать пять миллионов экземпляров. Куда это всё делось, куда пропало? Так что потребность в нашей литературе есть, люди читают. Но вот что действительно грустно – из множества писем, только десяток написаны молодыми людьми. В основном же это люди старшего поколения. Молодёжь, и в этом вы правы, уже сильно развратили, растлили Интернетом, телевизором, нашими средствами массовой информации, которые ничего не стесняются показывать, ни о чём не стесняются рассказывать. А в молодые годы всё воспринимается чрезвычайно остро, доверчиво.

В.С. Юрий Васильевич, ведь вот вы и всё ваше поколение вошли в русскую литературу очень жёсткими, даже жестокими произведениями, в которых описывалась война со всей её неприглядностью – кровь, смерти, муки, разрушения, вой снарядов, грязь, голод, страдания.

Ю.Б. Да, наши произведения были очень жёсткими.

В.С. Но как они духовно поднимали, возвышали людей. Грязь, смерть, переживания делали их духовно и нравственно чище, возвышеннее. А сейчас много показывают и войны, и кровь, но всё это наоборот только понижает и развращает людей. И вот когда вы ещё раньше в нашей беседе заговорили о Толстом, я тогда подумал – как важно, какой посыл первоначально заложен в произведение его автором, из чего он исходит, когда его пишет. Юрий Васильевич, вы уже говорили, что для работы в литературе необходимы и опыт, и знания, и обладание техникой построения сюжета. А ведь когда вы сами писали свой первый рассказ, ничего из этого, или почти ничего, у вас ещё не было. Когда я перечитывал вашу первую повесть, то невольно задавался вопросом – откуда это всё у вас, как вы смогли справиться с навалившимся на вас материалом, как это всё преодолели, пережили, воплотили в художественное произведение? Помню, как меня потрясла ваша повесть «Батальоны просят огня». Но ведь вы её написали, будучи совершенно молодым человеком.

Ю.Б. А вы знаете, откуда всё берётся? Ведь это я же и у вас могу спросить. Всё начинается с какого-то одного, кажется, что случайно услышанного, слова. За ним возникает следующее, третье, двадцатое и так далее и так далее. Это трудно объяснить. Но дело вот в чём – я думаю, что это вопрос имеет и какое-то мистическое свойство. Ведь трудно объяснить порой, как написано то или иное стихотворение. Зачастую это почти невозможно. Разве что констатировать, что возникло какое-то настроение, затем мысль. Но вперёд всё-таки настроение. От одной мысли не может возникнуть стихотворение. «И звезда с звездой говорит» – это не от мысли. Лермонтов увидел звёздное небо, его мерцание, распадающиеся веером в осеннюю пору лучи звёзд и почувствовал, что они разговаривают. Не представил, не осознал, не придумал – почувствовал! А вот мне кажется, что разговаривают деревья. Три дня назад я смотрел на закат и вдруг заметил, что верхушки елей очень таинственно и нежно освещены угасающим светом. Произошло какое-то шевеление там вверху, может быть, от налетевшего ветерка, и в эту минуту мне показалось, что в каком-то чувстве эти деревья стали прикасаться друг к другу, словно плечами. Они будто говорили друг другу – прощай, солнце зашло, теперь будем ждать утра. То ли эти огромные ели были влюблены друг в друга, то ли ещё что-то между ними происходило, но ощущение их причастности друг к другу меня не оставляло в тот вечер. Но ведь это возникло чувство, а от него может пойти уже всё остальное – вплоть до нового философского осмысления происходящего вокруг нас. Ну а разве вас не удивляет, когда вы выходите в поле (не то, которое сейчас заросшее бурьяном и чертополохом, а настоящее, которое мы ещё помним живым, рождающим колос) и видите сказочное разнообразие распыланных по его краю цветов. Я хорошо знаю степь, люблю её, в моих «Мгновениях» очень много о ней пишу. Это поразительно, сколько разных цветов. Не просто зелёный, жёлтый, красный, а всё с переливами, оттенками. И я поражаюсь – почему всё так задумано, так происходит, с такой сложностью и красотой. Или тот же художник. Он подходит к холсту, бросает один мазок, затем другой краской следующей, и попробуйте мне объяснить, почему он рядом положил именно этот мазок, а не другой. Это загадка. Я у художников спрашивал, как происходит у них творческий процесс? Нет, не смогли ответить. Для них это тоже загадка. Вот и наша работа. Она и для самих нас чаще всего нечто неразрешимое, необъяснимое.

Музыка, напротив, мне понятно, откуда рождается. Это общение с вечностью, общение с космосом, общение с небом. Оттуда поступают, там рождаются какие-то лучи, частицы и устремляются к Земле. И находят человека – талантливого композитора, музыканта, сообщают ему это чудо – музыку, мелодию. Поэтому музыка самая чистая, самая бескорыстная истина, которая не нуждается в объяснении. Ну, попробуйте объяснить «Аппассионату» Бетховена, или произведения Чайковского. Словами вы сразу оскверните эту гениальную музыку.

В.С. Внешними объяснениями даже близко нельзя подойти к пониманию этих великих творений.

Ю.Б. Человек может наговорить только глупости – в смысле объяснительных слов относительно музыкальных произведений. Когда есть истина – святая, бескорыстная, не лукавая, не ложная – это не может не поражать, и прикасаться к ней грубым словом не следует. В этом я убеждён. Проза же, я думаю, связана с какими-то внешними, земными толчками. Вы идёте по улице и вдруг слышите постороннюю фразу. Она вас непосредственно не касается, но вы запоминаете её и даже думаете про себя – как хорошо сказано. Или напротив – как зло сказано. Но фраза эта в вас засела. Затем вы видите лицо человека, например женское – с правильными красивыми чертами, с удивившим вас блеском в глазах и у вас возникает какая-то мысль об этой женщине – кто она, чему радуется, с кем она. Так же в отношении мужчин. Очень часто я смотрю на лицо кого-нибудь из них и задаю себе вопрос – как бы он повёл себя возле орудия, когда на него идёт шесть танков. И я представляю, как. Всё это я вижу по лицу. Лицо, между прочим, очень о многом говорит. Я, например, по лицу могу угадать профессию человека. Так что рождение прозы связано вот с такими неожиданными толчками, с какими-то явлениями, которые происходят на ваших глазах, действиями, поступками, переживаниями.

В.С. Но удивительно то, что все эти случайности одного могут подтолкнуть к написанию «Берега» или «Горячего снега», а другого никогда. В этом заключается неведомое нам, не объяснимое для нас чудо. Это чудо называется – рождение художника.

Ю.Б. На это у меня тоже есть ответ. Знаете, мне кажется, что бы и кто не говорил, но один из самых страшных пороков, распространённых в среде художников, это зависть. Почему? Потому что превосходство другого таланта, с одной стороны, порождает чувство соперничества, но, с другой, и бессилия, оттого, что невозможно заимствовать чужой талант. Потому зависть переходит в ненависть. А это страшное дело. Я глубоко убеждён, что заимствовать нельзя не только талант, но и его составляющие – смелость, великодушие, мужество, честность и т.д. Всё это уже есть в человеке, в его генах.

В.С. Иными словами – уже предопределено.

Ю.Б. Всё это корнями уходит в дальнюю даль. К прадедам нашим, за прадедов. Где-то, на каком-то периоде в роду был человек, который воспринимал природу не как дрова, а ещё и несколько иначе. Тоньше, любовнее, красочнее. У пишущего же человека должен произойти в определённом возрасте толчок, благодаря которому должно что-то возникнуть, чтобы заложенное в генах пробудилось в ином состоянии. Вот мой пример. Я очень обязан маме своей за то, что она с детства приучала нас, своих детей, которых у неё было трое, к литературе. Мама читала нам сказки, детские книги, много рассказывала. Затем мне повезло и с учительницей. Где-то в шестом или седьмом классе она нам дала задание написать сочинение на тему, кто как провёл лето. Я его написал. И вдруг на уроке русского языка эта учительница зачитывает моё сочинение вслух. А затем после урока в коридоре она мне сказала –

Юра, у тебя что-то есть литературное. Поэтому, когда читаешь книги, то присматривайся, как писатель описывает природу, выстраивает сюжет. Я этого, конечно, всё равно не делал, но всё-таки и учительница что-то мне дала, что-то во мне пробудила. Но пробудила то, что уже где-то в глубине меня самого жило. Ну а потом, после войны, вечерами, отдыхая от тех гулянок, на которых мы праздновали Победу, (а нам тогда заплатили большие деньги за подбитые танки, выпить мы любили, привыкли к этому ещё с фронта, с ежедневных ста грамм фронтовых) оставался я один. И тогда что-то начало возникать в сознании, связанное с войной. И я написал первый свой рассказ. Так началась эта моя «болезнь», которая продолжается и по сию пору.

В.С. После первого рассказа дальнейший путь оказался predetermined, отказаться от него было уже нельзя. Не отпустило бы.

Ю.Б. Да, потом я написал повесть о войне, которую где-то потерял.

В.С. Значит, первую повесть читатели так и не увидели?

Ю.Б. Нет. Она была ученической, но в смысле конфликтов и в отношениях героев было всё правильно, правдиво, как на войне. Так что я думаю, всё приходит оттуда, издалека. Литературный институт, который и я закончил, писать никогда и никого не научит. Я учился в семинаре Паустовского. Это был замечательный человек. Я до сих пор отношусь к нему с глубоким почтением. Он приучил нас любить слово. Он зачитывал нам вслух какие-то произведения Пришвина, Булгакова, а затем размышлял, спрашивая и нас, почему, например, в этом тексте использован именно такой эпитет. И ещё вот что было одним из самых главных – Паустовский приучал нас начинать писать рассказ только тогда, когда мы понимаем, что уловили настроение. И у меня много было написано рассказов – настроения. То есть, это что-то в рассказе происходит, но это должно быть написано с настроением.

В.С. Не равнодушно.

Ю.Б. Да.

В.С. Когда вы учились в Литературном институте, уже ощущалось какое-то писательское расслоение не только по художественному таланту, но и по политическим предпочтениям, пристрастиям? Ведь один пришёл в литературу по зову своего таланта, другой по зову совести, третий, что это престижно и можно хорошо зарабатывать, быть на виду, тешить своё тщеславие. Спрашиваю, исходя из того, что именно из этого поколения писателей затем пришли в политику те, кто рушил Советский Союз.

Ю.Б. Нет, материальной стороны в тогдашних предпочтениях студентов литинститута не чувствовалось. Но было видно – одним глубокий литературный труд, вдумчивая работа со словом «ложились на душу», им это нравилось, и они в нём преуспевали. Это совпадало с их мыслями, их миропониманием. Другие считали это лишним, сентиментальным. Но я убеждён в другом – главное для писателя – это работать, работать и ещё раз работать. Как только писатель перестаёт работать, так он и теряет все свои прекрасные качества. А работать надо даже тогда, когда этого не хочется. Не то чтобы заставляя себя. Нет. Но ведь стол – это магнит. Стоит за него сесть, написать несколько фраз, и эти написанные фразы уже заставляют тебя двигаться дальше, думать.

В.С. А страх перед чистым листом бумаги вы испытываете, когда начинаете писать своё новое произведение?

Ю.Б. Есть такое. Одно время я это переживал даже очень серьёзно, месяца два ничего не мог писать. Но в итоге я этот страх поборол. Тогда мне казалось, что всё то, чем я занимаюсь, что делаю, это не то и не так.

В мои годы Толстой написал то-то и то-то, Чехов другое. Но потом это состояние прошло. И прошло не через усилие, а как-то плавно, незаметно. Но эти периоды пустоты, сомнений, видимо, неизбежны и бывают почти у каждого пишущего.

В.С. Можно ваше творчество разделить на три определённых периода? Я понимаю всю условность этого деления, но всё-таки. Первый – это ваша военная проза до «Горячего снега». Второй, где война смешивается с современной действительностью – «Берег», «Выбор». В третьем периоде вы полностью уходите в «кипучую современность» – «Искушение», «Бермудский треугольник», «Без милосердия».

Ю.Б. Можно так, конечно, разделить. Хотя война у меня присутствует практически во всех романах. Разве что в самых последних её нет. Но, это потому, что сюжеты книг слишком далеко ушли от того времени. Если бы я ввёл в них какие-то военные сцены для более яркого углубления героев, для их характеристик, чтобы читатели их больше полюбили или, наоборот, возненавидели, то это выглядело бы немного искусственно. Ну, например, я совершенно не представляю, где можно было бы ввести военные сцены в «Бермудском треугольнике». Или в «Без милосердия».

В.С. Но вообще в ваших романах есть две особенности. Всегда потрясающе достоверно описана война, и столь же достоверно, проникновенно, сердечно – любовь.

Ю.Б. Да, война – всегда потрясение.

В.С. Юрий Васильевич, и в заключение несколько слов напутствия нашим читателям.

Ю.Б. Я хотел бы сказать только одно. Как только человек отстраняется от литературы, он теряет очень многое в самом себе. Потому что литература – это не только познание внешнего мира, внешней жизни. В первую очередь, это познание самого себя. Если литература никак не воздействует на читателя (а такая литература есть), это пустая литература только для самовыражения. Поэтому читать надо хорошие книги, находить для этого время, отрывать его даже от сна, от любимого многими телевизора, от Интернета и от прочих вещей современной технологии, которые рождают в человеке не действие, а инертность – мышления, поступков, отношения к жизни и ожидание, что кто-то за нас за всех что-то сделает. Потому читайте, любите книгу и великую русскую литературу.

Беседа наша подошла к концу. Нас уже не единожды и настойчиво звали на первый этаж дома к обеденному столу. Мы встали с Юрием Васильевичем с кресел, походили немного по просторному кабинету. В большие окна были видны оголённые стволы стоявших в снегу яблонь. В окно у письменного стола заглядывали любопытные ветки старой ели, увешанные коричневыми упругими смолистыми шишками. Покой, одухотворённость, задумчивость. И тут я спросил хозяина кабинета.

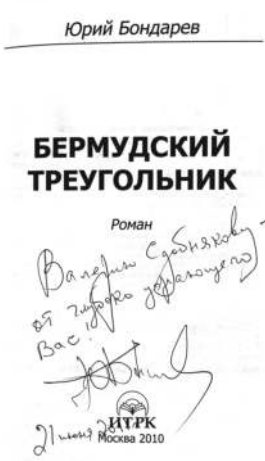
– Почему одно окно совсем небольшое и круглое, словно иллюминатор на корабле?

– Заметил! – радостно воскликнул Юрий Васильевич. – Точно. Так я же в молодости мечтал стать моряком.

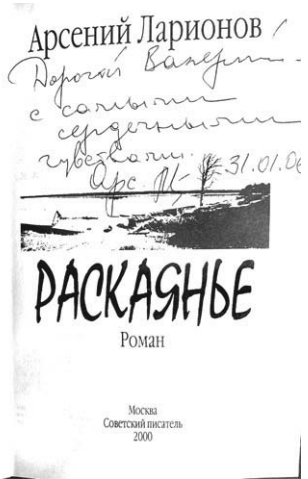
И заулыбался.

Я тоже чему-то обрадовался. А потом подумал. Мечтал быть моряком, а стал артиллеристом и писателем. Видимо так Юрию Васильевичу Бондареву было на роду написано – жизнь свою долгую положить на то, чтобы Родину защищать. Вот он эту свою заботу и несёт с честью сквозь всю свою жизнь.

**Некоторые из книг, подаренные Валерию Сдобнякову
Ю.В. Бондаревым, А.В. Ларионовым, О.Н. Шестинским.**

Арс. Л.

Слева направо: А.В. Ларионов, В.Н. Бондарева, Ю.В. Бондарев, В.В. Сдобняков в Ватутинках. Дача писателя, 10 апреля 2009 г.

БЛОКАДА ПРОНИЗЫВАЕТ ВСЁ МОЁ ТВОРЧЕСТВО

Это интервью с известным поэтом, писателем и общественным деятелем Олегом Николаевичем Шестинским я записал незадолго до его кончины. Судьба свела нас с ним в 2003 году. С тех пор мы множество раз встречались и очень крепко подружились. Приезжая в Москву, я часто останавливался у Шестинских на их переделкинской даче. Она совсем рядом с дачами Б.А.Пастернака и Андрея Вознесенского. После ужина мы уходили с Олегом Николаевичем на второй этаж, в его рабочий кабинет (моя гостевая комната была рядом) и там часами разговаривали о современной литературе, о классике, истории... и, конечно, о войне, о блокаде, все 900 жестоких дней которой Шестинский прожил в Ленинграде. Об этом он написал замечательные, потрясающие своей правдивостью книги.

Если смотреть со стороны – О.Н.Шестинского можно считать баблом судьбы. Он рано начал издаваться, и ещё совсем молодым человеком был принят в Союз писателей СССР. Затем руководил Ленинградской писательской организацией, был секретарём Союза писателей СССР по работе с молодыми авторами, объездил чуть ли не весь мир, написал десятки книг, получил множество наград - орденов и литературных премий. Но, как оказалось, за внешним благополучием много всего скрывалось. Потому что это откровенное и последнее в его жизни интервью имеет свою особую цену.

Валерий Сдобняков. Вы, Олег Николаевич, своими стихами в удивительное время вошли в русскую литературу. Это были пятидесятые годы прошлого века. Только что окончилась страшная по своим разрушениям и людским страданиям самая кровопролитная в истории человечества война. Город вашего детства, Ленинград, пережил жесточайшую, голодную блокаду. Сотни тысяч людей заплатили за это своими жизнями. Все страшные девятьсот дней вы были в городе – жили в нём, вместе со всеми голодали, мучились от холода... Но минули жестокие испытания. На смену им в вашу жизнь вдруг вошли стихи. Как же это произошло? Что за люди вас тогда окружали? Кто были вашими учителями, наставниками в поэзии? Вообще, что за литературная атмосфера была в городе на Неве, когда увидела свет, пришла к читателям ваша первая книга стихов?

Олег Шестинский. Судьба моя сложилась так, что ещё во время занятий в литературном кружке в ленинградском Дворце пионеров я стал писать (не хочу хвастаться, но это было именно так) очень хорошие стихи. Я их до сих пор ценю, как одни из лучших своих стихов. Хотя мне было, когда я их сочинял, всего-то лет пятнадцать. Руководил этим кружком очень интересный писатель, ныне, к сожалению, почти забытый Глеб Хмельницкий. Он проявил ко мне особое внимание, потому что ему нравились мои юношеские опыты в поэзии. А о чём мог писать тогда юноша? Невольно прорезывалась в стихах, нарастала в них тема России. Трагической России. Как же иначе. Заканчивалась война. Наши родные, отцы и братья ещё где-то очень далеко от Ленинграда проливали свою кровь. Для того, чтобы представить, какие строки тогда рождались в моём сознании, что я не хвастаюсь, высоко оценивая их, прочитаю одно стихотворение той далёкой поры.

*Весь мир военная беда
своим крылом накрыла,
не разгадаешь никогда,
которая вот здесь гряды,
которая могила.
Я, может, больше вас скорблю
и мучаюсь в душевной боли,*

*я, может, больше вас люблю
вот это вымокшее поле,
я, может, матери солгу
и сам себе солгу,
а соснам, что на берегу,
солгать я не смогу.
Я думал только об одном –
успеть за дни мои скупые
сказать о самом о больном,
что мучает тебя, Россия.*

В.С. Сколько вам было лет, когда вы написали это стихотворение?

О.Ш. Пятнадцать или шестнадцать – точно не помню. Это одно из стихотворений довольно большого цикла, который многие десятилетия спустя вошёл в мою книгу «Птица спасения», изданную в 2004 году «Советским писателем». А тогда, во время войны стихи удивили ленинградское литературное общество, которое, впрочем, было довольно малочисленным – многие писатели были ещё в эвакуации, другие на фронте. Но те, кто оставались в городе, меня, мальчишку, приблизили к себе. Я познакомился с Леонидом Хаустовым, очень талантливым поэтом, ныне забытым или почти забытым. С Сергеем Орловым, только что пришедшим с фронта. С Михаилом Дудиным. У меня завязалась дружба и с некоторыми молодыми поэтами – моими ровесниками, которые потом имели определённое значение в советской литературе. Это, например, Владимир Торопыгин (мы с ним были близкими друзьями), который, конечно, был не великим поэтом, но замечательным рачителем русской литературы. У Владимира был талант редактора, который сначала проявился, когда он возглавлял ленинградскую газету «Смена», а потом и в ряде ленинградских журналов.

Правда, через какое-то время (и это для меня самого совершенно необъяснимо) я перестал писать стихи. То же, что выходило из-под моего пера, было очень слабым, таким, что и самому читать не хотелось. Стихи ничего общего не имели ни по тону, ни по содержанию, ни по музыкальности с тем, что я писал ранее. Это были годы моего творческого застоя.

В.С. О каких годах вы говорите?

О.Ш. Конец сороковых... И вот здесь меня, студента Ленинградского университета в составе группы из семи человек как слависта-болгариста посылают на практику в Болгарию, в Софийский университет. Там, в новой для себя стране я пережил много впечатлений. В моё сердце вошло чувство славянского единства, братства. Сейчас нынешнему нашему поколению это даже не понять, но в те годы, недалеко ещё ушедшие от сорок четвёртого, когда в Болгарии произошла революция, и были свергнуты царь, правящие в стране прогермански настроенные фашисты, так всколыхнулась славянская стихия, что это «ни в сказке рассказать, ни пером описать». Меня везде принимали с таким почётом (и, конечно, этим немного избаловали), будто я был видным генералом или какое-то иное значительное лицо. И всё это только потому, что я русский человек. Такое отношение к нам проявлялось по всей Болгарии. Особенно в провинции. В СССР ещё были живы два гусара, воевавшие во время русско-турецкой войны, которых всегда приглашали в Болгарию на праздник Кирилла и Мефодия. Я видел этих двух стариков в старинной гусарской форме, и моя грудь от этого переполнялась гордостью за свою Родину, восторгом. В восторге я был и от удивительно красивой страны, в которой продолжил учёбу. И от того безумного русолюбия, которое окружало меня, и от прекрасной поэзии, с которой начал знакомиться. Тогда я подружился с молодыми, чуть постарше меня, болгарскими поэтами, некоторые из которых потом выросли в национальных классиков. Один из них даже стал моим побратимым – это просто великий поэт

Павел Матев. Вот тогда и вернулось ко мне то поэтическое чувство, которое, как я думал, уже окончательно потерял. И я написал целую книгу стихов о Болгарии, которая была очень хорошо принята в Ленинграде. Её напечатало издательство «Советский писатель» в твёрдом переплёте. Книга называлась «Друзья навеки». Она сыграла значительную роль в моей жизни. О сборнике написал добрые слова Александр Прокофьев, другие писатели и я опять стал «представительным» в молодёжной среде поэтов. Но Леонид Иванович Хаустов мне сказал: «Ты ведь России по настоящему совсем не знаешь. До войны вне города жил только на дачах. Затем блокада. Поезжай в мои родные вятские края. Там живут мои друзья писатели. Они хорошо встретят и помогут всё увидеть». И я действительно поехал в Киров. Очень хороший писатель Борис Александрович Порфирьев составил мне план. Я тронулся в путь по реке Вятке на каком-то старом судне, в третьем классе, почти в трюме. Знакомился со своими попутчиками, много с ними разговаривал. Люди тогда были светлыми, особенно там, в провинции. Я приехал в Уржум, и мне мои новые знакомые, старушка с молодой девушкой, не позволили ночевать в гостинице, а определили жить у себя. Я много путешествовал по окрестностям. Посещал марийские сёла, довольно убогие, захолустные, которые не произвели на меня особого впечатления. Затем я отправился в самые глухие места. Это была северная окраина Вологодской области. Общался там с разным народом, в том числе и с пьяными водителями. Но это всё были неординарные, интересные люди, только что прошедшие войну. По этому поводу я даже написал такие строчки: «Но я не добывал победу, а только праздновал её». Но именно эти впечатления, полученные от общения с простыми русскими людьми, укрепили во мне чувство Родины, чувство России. И впоследствии через много лет я вновь вернулся к этим впечатлениям. В моей новой книге ты сможешь прочитать «Путешествие в Верхнюю Вохму», «Глядеть на Россию». Эти рассказы во мне именно тогда, в те далёкие времена набирали свою реальность. Когда я после путешествий вернулся домой, то со мной произошёл один очень интересный случай. Под впечатлением от увиденного и пережитого я написал стихи. Мои старшие товарищи, прочитав их, опять стали ко мне внимательно и доброжелательно относиться. Я стараюсь одно из тех стихотворений вспомнить, чтобы ты смог ощутить эпоху.

*Крестьянки бродят по вагонам
И пассажирам утомлённым
Нудят, понурые, босые:
– Купите ягодку, родные.*

*Тот отмахнётся лишь:
– Не надо...
Мол, мелких нету на полтину.
А этот:
– Ягода помята,
а мятая – без витамина...*

*Вперяют очеса сквозь стёкла,
Молчат, невозмутимо-строги.*

*– Попадал скот, хлеба помокли,
Исправно лишь берут налоги...
Кормиться, вроде бы, и нечем...
Купите ягодку, родные!..*

*А на полях погожий вечер,
А дали синие, сквозные.*

*И поезд, постояв немного,
Ушёл, оставив их в обиде.
И нам вослед звучит упрёком:*

– Купите ягодку, купите!..

Сейчас эти стихи опубликованы в «Мятежной книге», издательства «Вертикаль. ХХ1 век» (2009 год). А тогда Хаустов стал меня уговаривать, чтобы я их сжёг, разорвал, уничтожил. «Это антисоветчина. Тебя посадят... «Исправно лишь берут налоги». Ты понимаешь, что ты пишешь?» Конечно, эти стихи я так нигде и не печатал, до самого последнего времени. Но тогда же мною, моим творчеством очень заинтересовался Прокофьев. В 1955 году вышла моя первая книжка, а уже в 56-м я стал членом Союза писателей СССР. Хотя тогда приём в писательский Союз был очень требовательным, жёстким. А так как я по натуре активный, деловой, никогда никуда не опаздывающий, то вскоре, в начале шестидесятых годов, получил приглашение от Прокофьева войти в секретариат Ленинградской писательской организации. Творчески сильная, в то же время она была «пропитана» прозападным либеральным духом. На мой взгляд, это был её большой политический минус. Но творчески эти писатели – начинающий молодой Гранин, Рахманов, Панова и другие – были, безусловно, талантливы. И это создавало определённый настрой в нашем Союзе писателей. Конечно, было много и швали. Я не буду подробно всё рассказывать, лишь уточню, что после Прокофьева организацию возглавлял Дудин. Вторым секретарём был Гранин, а третьим, который и выполнял всю практическую работу, был я.

В.С. Почему Прокофьев вынужден был оставить свой пост?

О.Ш. Александр Андреевич очень в хороших отношениях был с Хрущёвым. Они даже внешне походили друг на друга. И когда Хрущёв приехал в Ленинград, то во время одного из застолий поднял тост за Прокофьева. А это по тем временам считалось, как получение ордена «Трудового Красного Знамени». Ну, как же – за него поднят тост великим Хрущёвым.

В.С. Тогда всё понятно – свергли Хрущёва, прогнали и Прокофьева.

О.Ш. Александр Андреевич был настоящий русак, писал прекрасные стихи о Ладогe, о России. Но был и самовластным. За глаза его называли «Царь». К сожалению, Прокофьев любил холуёв, которые всегда вертелись возле него. Некоторые, кстати, оказались искренне верными ему людьми, и когда произошёл переворот в организации (а это был именно переворот), не покинули Прокофьева. Например, Браун (человек высочайшей культуры) и поэт (довольно средний) Анатолий Чепуров. Устроили тогда заговор, как это часто бывает в писательских кругах, спойв всю шваль, которая должна была проголосовать против действующего председателя. Но Прокофьев, я этого никогда не забуду, уже чувствуя, что его сейчас будут оплёвывать (Союз тогда располагался в Шереметевском дворце, жили как цари, и собрание проходило в большом белом зале), сидел в третьем ряду справа, и когда высочил на трибуну поэт Лев Ку克林 и стал поносить Чепурова, то встал со своего места и сказал суровым голосом: «Вы валите всё на меня, мои друзья не причём, их не трогайте. Я сам даю самоотвод и снимаю свою кандидатуру с выборов». Так что он не был забаллотирован, а просто не стал участвовать в выборах. Вот тогда и пришли в руководство Михаил Дудин с Даниилом Граниным. Первый вообще ничего не делал. При всех своих достоинствах, он был человеком вольного характера – чем хотел, тем и занимался. В Союзе он не бывал. Там сидел Гранин и писал свои книжки. Всю же практическую работу выполняли оргсекретарь и я. И мне это очень нравилось – у меня была персональная служебная машина, кабинет, секретарша.

В.С. Совсем молодым человеком вы оказались в руководстве крупнейшей в Советском Союзе писательской организации, второй по численности после московской.

О.Ш. Ну, не совсем молодым. Мне уже было за тридцать. Но вскоре произошла такая история. Дудин совсем ушёл из руководства. Все мы тогда зарабатывали уйму денег. А Дудин много писал, переводил и в зарплате совсем не нуждался. Потому и Дудин, и Гранин вообще от неё отказались. Затем Дудин ушёл, остался один Гранин. И тут он влип. По рангу он был ещё и секретарь Союза писателей России, на одном из заседаний которого обсуждалось исключение Солженицына из членов Союза. При голосовании Барто, Таурин и Гранин воздержались. А Ленинград по партийной дисциплине был очень строгий город. Просто римская фаланга. В нём всё держалось на партии, которая, как известно, была нашим рулевым. И когда Гранин доехал до Бологое, то дал с середины пути в Москву телеграмму, что он присоединяется к исключению. Дать-то дал, но всё равно в Ленинграде о его поступке уже знали, знал Толстикова, тогдашний первый секретарь обкома, и хитрый Гранин, это я понял уже потом, решил – пусть какое-то время покомандует Шестинский. А когда все успокоится, можно выйти из тени и его сбросить. Вообще Гранин был лояльным человеком и к прозападным либералам, и к русским – хотел всем сестрам дать по серьгам – и потому поддержка в организации у него была. Конечно, это только мои домыслы. Но они, я уверен, недалеко от истины. Ничего не подозревая, я принял организацию и стал ею править. Надо сказать, что очень удачно. Потому что, в отличие от предшественников, просто работал. Удалось добиться того, что на получаемые из Литфонда деньги нам стали в Ленинграде выделять квартиры. Я добился, уже через Романова, что эти деньги тут же осваивались, и потому ждать квартир долго не приходилось. Я почти добился того, что филиалы московских издательств должны были стать ленинградскими. Ну и много другого – всего не перечислить. А время-то шло. И, видимо, Гранин решил, что пора действовать. Слишком Шестинский закрепился. Он знал, что ко мне прекрасно относился Романов, которого сейчас много ругают. А зря! Романов ценил писателей. Чтобы поднять престиж организации, он ввёл меня в состав ленинградского обкома партии. Это была большая честь в то время. Я был избран делегатом 24 съезда КПСС. Видя это, Гранин и устроил против меня заговор, в подробности которого в нашей беседе я вдаваться не буду, так как обо всем этом уже писал. Всё это было сделано так же, как и против Прокофьева, а ещё раньше против Всеволода Кочетова. Ленинград – императорский город. Там заговоры просто в крови людей. На очередных выборах в 1973 году меня забаллотировали одним или двумя голосами. После собрания я уехал к себе на дачу под Ленинград. Но меня уже хорошо к тому времени знали Георгий Марков и Верченко. Верченко приехал в Ленинград и пригласил на работу в Москву в Союз писателей СССР рабочим секретарем. Я попросил время подумать. Обсудили мы ситуацию с моей супругой Ниной Николаевной и пришли к выводу, что в Питере меня затравят как собаку. И мы переехали. В Москве я занимался молодыми, отыскивал их, пробивал им книги. Это сейчас такие писатели, как Олег Хлебников, Юрий Поляков и многие другие или забыли меня, или ушли от общения, а тогда я им помогал, чем только мог, и даже больше того.

В.С. Ну, это уже московский период вашей деятельности. Давайте опять вернемся в Ленинград. Мне хочется больше узнать о ваших блокадных книгах, которые по своему содержанию во многом оказались отличными от напечатанной «Блокадной книги» Алексея Адамовича и Светланы Алексиевич.

О.Ш. Блокада стала одной из главных тем моего творчества. Потому что, когда я от этой блокады очнулся (а ведь не сразу от нее очнешься),

то я понял, какой неисчерпаемый трагедийный материал хранится в моей памяти. И тогда посчитал так – я должен всё это зафиксировать на бумаге для того, чтобы эту трагедию смогли использовать в своём творчестве, осмыслить её какие-то будущие великие писатели. Блокада нуждается в глубинном осмыслении, и для этого должна быть написана книга наподобие «Войны и мира» Л.Н.Толстого. У меня о блокаде вышло несколько книг – «Блокадные новеллы», «Голоса из блокады»... Блокада творчески пронизывает всю мою жизнь, вплоть до сегодняшнего дня. Я просто вспоминаю и пишу. И будто она для меня никак не может закончиться.

В.С. Во времена вашего руководства писателями в Ленинграде жил поэт, будущий нобелевский лауреат Иосиф Бродский. Вы были с ним знакомы? Ваши пути как-то пересекались? Вы как-то соприкасались творческими судьбами?

О.Ш. Эта история тоже мною уже описана. Но я могу вновь ее рассказать в двух словах. В начале шестидесятых годов в Ленинграде существовала шепутная группа поэтов, абсолютных русофобов, состоявшая в основном из людей еврейского происхождения. Все они считали себя гениями. В то время в городе на углу Литейного и Невского существовал небольшой ресторанчик под названием «Сайгон». Вот в нём, что называется, и «кучковалась» эта расхлестанная поэтическая, хотя были среди них и прозаики, компания, которая, конечно, жутко раздражала власть. Хотя, безусловно, были в их среде и люди талантливые. Но прозападные их взгляды автоматически ставили их в ряды, как тогда говорили, антисоветчиков. Эту поэтическую молодежь поддерживали известные писатели. Например, Ахматова. Но не это главное, а то, что наша идиотская власть совершила тогда самый нелепый поступок, который только можно было придумать – ввела понятие о тунеядстве. То есть, если ты официально нигде не работаешь, а пишешь стихи, занимаешься переводами, выступаешь, а тогда за всё это платили хорошие деньги, то ты являешься тунеядцем, и тебя можно по закону привлечь к ответственности, выслать из города и т.д. И вот из этой десидентствующей группы выбрали самого одиозного – Бродского – и стали по этому закону судить. Это был вульгарный суд. На нём даже приводили, как пример того, что вот Шестинский работает, а вы живёте неизвестно на какие доходы. Хотя Бродский тогда много переводил. Но я с ним лично знаком не был. Вообще интересы этого круга литераторов были мне чужды. Меня, как молодого секретаря, Прокофьев, который был резко настроен против Бродского и считал, что проведение суда – это дело правильное, хотел было сделать меня общественным обвинителем. Но я то понимал, что это полная дурость. Ввязываться в какие-то сомнительные ситуации совершенно не хотелось. Да, пожалуй, за всю свою жизнь ни в одну подобную ситуацию я и не ввязался. Тут мне подвернулось приглашение Восточно-Сибирского военного округа приехать к ним на выступления. И мы с очень хорошим поэтом Анатолием Аквелёвым это приглашение приняли и умотали из Ленинграда. Общественным обвинителем назначили прозаика Евгения Воеводина, которого потом еврейская литературная общественность просто «закоптыла», и он вскоре умер. Когда же я, после выступлений в Сибири, вернулся, Бродского уже осудили на несколько лет высылки из города. Конечно, ссылка эта была липовой. Жил он в деревне. Никто его там не мучил. К нему постоянно ездили друзья, возили продукты, выпивку.

Эта ссылка подогрела все антисоветские, антирусские настроения за рубежом. Бродский мгновенно стал мучеником эпохи. Лично мне стихи его не нравятся. Они оторваны от земли, от каких-то важных жизненных ситуаций. Придуманые стихи, написанные умом, а не душой, не сердцем. Но придуманное мученичество хорошо сыграло в его судьбе. Вся еврейская сила была направлена на поддержку Бродского. А ведь

когда я был секретарём, то пытался издать его стихи. Бродского почти никто не читал, не знал его поэзии, а разговоров по городу ходило много. Я же был уверен, что никакой он не поэт. Так пусть люди прочитают и сами оценят. Через знакомых Бродского я собрал его стихи и договорился с издательством, тогда главным редактором был Чепуров, издать его книгу. Но так как это дело было непростое, даже чрезвычайное, то я поехал его утверждать в обком партии к секретарю по идеологии Зинаиде Михайловне Кругловой – очень хорошей женщине. Я стал ее убеждать, что книгу нужно обязательно издать. чтобы люди увидели, что это такое. Пусть сами читатели скажут, нравится им такая поэзия или нет. Но Зинаида Михайловна мне ответила – ни в коем случае! Там слишком много библейских мотивов. Тогда я ответил – хорошо, библейские мотивы можно редакторски притушить, убрать, но саму книгу необходимо издать. Нет, произведения таких людей мы издавать не будем, – категорически ответила Круглова. Так, к величайшему сожалению, власть допустила вторую ошибку. Кстати, Соломон Волков в своей книге о Бродском меня вспоминает хорошо и совершенно доброжелательно, даже благородно.

В.С. Я слышал, что вы организовывали какой-то его поэтический вечер в Ленинграде?

О.Ш. Да, был такой, на который собралась публика, опять же, в основном еврейской национальности. Жена ходила на него. Меня в это время опять в городе не было. Но это событие вновь послужило бензином, выплеснутым в костер. Во властных структурах поднялось возмущение – вот что происходит в доме писателей, собираются антисоветчики, читают стихи! Но я тебе скажу о другом. В одной польской газете было опубликовано интервью их диссидента Михника с Бродским, я это интервью читал – абсолютно антирусское. Бродский в этой беседе говорит, что Россия для него «кончилась на Чаадаеве. Мы никогда, собираясь своим кругом, не беспокоились о России, добром ее не вспоминали».

В.С. Что ж, Олег Николаевич, спасибо вам за интервью. Устали вы, наверно?

О.Ш. Да нет, просто много всего вспоминается в прожитой жизни.

В.С. А Ахматова в то время большое влияние имела на литературный процесс в Питере?

О.Ш. Она имела влияние, как крупная поэтесса. Но ведь тоже была несчастна. Сколько ей пришлось пережить, когда ее гениального сына Льва Николаевича Гумилева мучили по ссылкам да тюрьмам. Я сейчас опубликовал статью о Гумилеве в журнале «Слово». В ней привожу цитату ученого из его заветной книги «От Руси к России», за которую его просто травил. Он в ней разбирает, какое огромное значение для России имела победа князя Святослава над Хазарским каганатом, благодаря которой он «исключил из сферы влияния еврейской общины Волгу, среднее течение Терека, часть Северного Донца». Хотя мать Гумилева, Анна Андреевна Ахматова говорила: «Мы всю молодость провели в смешанном русско-еврейском обществе». Так вот, Лев Гумилев в своей книге замечает: «Евреи – народ очень крепкий; в Европе они смогли выдерживать испанскую и провансальскую инквизицию, немецкие гонения; в Азии, в Португалии выдерживали гонения после Маздака, к которому они примыкали. В России же им удалось создать особую популяцию среди русских, особый тип, для которого всё традиционно русское – чуждо». Это мысль Льва Гумилева.

В.С. И в питерской литературе это ощущалось?

О.Ш. Ленинградская либеральная литература во многом была прозападной. И это в ней было главное. А русских хороших писателей – Сергея Воронина, Сергея Абрамова, видного литературоведа профессора База-

нова – литераторы этого круга как-то старались унижить, понизить их значение, утверждая, что, мол, это не писатели. Они умеют это делать, всячески принижать, выкидывать писателей из области литературы, из литературного процесса. Вот такая была ситуация – не легкая. В итоге томительным и жестоким путем я пришел к своей книге «Ангелы гнездятся на земле». Это моя главная книга. И, видимо, последняя. Больше книг я уже не напишу. Только какие-то отдельные вещи. Но я счастлив, что моя творческая жизнь завершается такой необыкновенной, с моей точки зрения, книгой. Может быть, она сейчас не будет по достоинству отмечена. Меня это не очень трогает. Но то, что она явилась квинтэссенцией всей моей жизни – это рука Бога. Это Он продлил мою жизнь до тех пор, чтобы я смог выпустить её в свет. В книге есть главное – человек с его жизнью, судьбой, верой...

Переделкино, 11 апреля 2009 г.

ЧЛЕНУ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕРТИКАЛЬ. XXI ВЕК» ПИСАТЕЛЮ Ю.В. БОНДАРЕВУ – 95 ЛЕТ!

Дорогой Юрий Васильевич!

Поздравляя Вас с замечательным Днём рождения, я искренне и с восхищением хочу сказать – какое счастье, что Вы есть в русской литературе, как это бесценно, важно и для её прошлого, и для её будущего.

Перечитывая произведения из Вашего собрания сочинений, я невольно восхищался Вашим могучим талантом художника, Вашим гражданским подвигом – какие правдивые образы населяют эти романы, повести, рассказы, по которым будущие поколения русских людей будут понимать, постигать историю своей страны.

И как бы эту историю не извращали, герои Ваших произведений во все времена всё будут расставлять по своим местам. Потому что они вышли из-под пера мудрого писателя, светлой души человека.

Позвольте мне от всего сердца пожелать Вам здоровья.

*Ваш В.В. Сдобняков
Председатель Нижегородской областной организации
Союза писателей России,
главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»*